Побег без права пересдачи

Автор:
Наталья Мазуркевич

Побег без права пересдачи

Наталья Витальевна Мазуркевич

Академия МагииКикиморы – народ не гордый #1

Молчание – золото, говорили Даньке. Пунктуальность – залог успешной жизни. Не верила Данька в первое, не дружила со вторым и пропала. То есть попала. В другой мир. А что изменилась слегка – так трудности адаптации налицо. Была девица – стала кикимора. Предложили и семейное положение сменить, но куда там! Два раза на одни грабли даже кикиморы не наступают. А потому учиться, учиться и учиться. Ведь сидеть в ряске, дожидаясь неизвестно кого с луком и стрелами, – не наша тема. Наша – брать все в свои ручки и тащить к счастью. Если придется, то и через болото.

Наталья Мазуркевич

Побег без права пересдачи

Вместо предисловия

Если жизнь не задалась, то не задалась она с самого начала. Истинная правда! Мои родители хотели мальчика. И даже успели выбрать имя – Данила. Но вот незадача: даже техника порой ошибается, и в самый ответственный момент выясняется, что вместо синей ленты нужно покупать розовую. Конечно, в этот же миг розовые ленты заканчиваются, и остается только какое-то

недоразумение коричневого цвета. Ага, той самой детской неожиданности.

А дальше еще веселее: вся же родня ожидала пацаненка, готовилась, подарки покупала. Вот и получилось, что в детстве моем ни одной нормальной куклы не было, а все ролики, скейт и велосипед. А куклы? Куклы – для слабаков. Так и мой старший брат считал, приучая мелочь к правильному сидению в засаде и стрельбе из игрушечного пистолета.

Мама, конечно, ворчала первое время, но смирилась. Тем более после такой школы никакие задиры не оставались безнаказанными. Будь то обычный спор или драка. А драться поначалу приходилось часто. Хотя чего сложного: дождаться, пока противник выдохнется, или, наоборот, – пусть схватит, и подсечку сделать. Знаете, есть такие классные штучки, которые позволяют свалить с ног даже взрослого. Мне их как раз и показали в детстве. На всякий случай. Чай, лишними такие знания никогда не бывают.

Но к чему я? А, точно. Все это является логическим началом моей нелогичной истории и просто призвано дать вам понять, что все описанное дальше совершенно закономерно, когда дело касается меня. И раз уж мы это уяснили, то начнем.

Глава 1

Лесозаготовительные работы

Сижу я в лесочке, сижу под горой,

Бывает неплохо в засаде одной!

«Что они ни делают, не идут дела, видно, в понедельник их мама родила», – крутилось в голове, когда я, перескакивая через ступеньку, неслась ко второй паре в универ. Первую благополучно проспала, гордо проигнорировав будильник. На что этот нехороший прибор так же гордо проигнорировал меня и… просто не сработал во второй раз, давая мне выспаться и опозориться. Проспать в первый же день, конечно, верх желаний любой обычной студентки.

Не верите? Вот и я себе не верю.

А как вспомню, что выскочила из дома с размазанной тушью, кривой косичкой и в разных кедах… Хорошо еще – оба красные. Плевать, что один как будто в крови вымазали, венозной, темненькой такой, а вот на второй явно пожалели, оставив почти что розовым. Но делаем вид, что так и должно быть! Это новый стиль! И мы – его иконы! Иконы! – я сказала. Отставить креститься!

В общем, вот такое чудо без перьев мчалось по лестнице в метро, бодро подбадриваемое пинками висевшей через плечо сумки. Спустя три станции подбадривал меня уже телефон: предки озаботились своим дитятей и решили поинтересоваться, как оно, дитятко, поживает. Не убило ли кого, не покалечило… Ага. Добрые они у меня. Все в меня. Или я в них… Спорный вопрос, граждане, очень спорный. Воспитание – оно ж поважней генетики иной раз, а мое воспитание предков… Да уж, устойчивые они стали. Очень.

Врать в забитом вагоне – не одна я такая соня! – не представлялось возможным, и я важно стряхивала звонки. А что? Я, между прочим, на паре, какие разговоры! Но то ли родители слишком хорошо меня знали, то ли выпросили расписание занятий, но звонили настойчиво и долго. Придется врать, что не могла найти трубку. Угу. Не могла. Скинуть могла, а найти – нет. Блин, нужна легенда покруче. А то поймают. И что же братишка в таком случае врал…

Не врал?

Ай, как неприятно-то! Нет, вы не подумайте, это совсем не про братишку, это про какого-то невоспитанного хама, который, видно, решил, что раз уж моя обувь такая особенная, то лишний апгрейд ей не повредит, как и индивидуальный тюнинг. А вот и нет! Его подошвы на моих кедах никак не входят в топ пять самых модных рисунков.

– Мужчина!

Нет, весь вагон я не звала. Почему они все пооборачивались? Ага, все. Вот тот, кто отличился, стоит и в ус не дует. Не при делах он. Конечно, так ему и поверила. Протолкнувшись сквозь толпу – особый навык выживания в городе! – я оказалась рядом с этим субъектом. Кашлять, привлекая внимание, не стала. Тип был в наушниках, а это случай особый.

Знаете же про связь наушников и уважения? При встрече в знак приветствия достают один наушник, а в знак особого уважения – два. Так вот, этот тип меня не уважал! Даже дружелюбное похлопывание по плечу, от которого шарахались все мои знакомые, проигнорировал. Видимо, тип из разряда ежей. Без пинка не полетит. Ну ладно, пинок так пинок. Вот раззадорил меня его полный игнор! Даже пары на второй план отошли. Точно, я чокнутая. И это даже не лечится. Не забыть бы еще справку взять, чтоб всяким там показывать.

Но мы отклонились от темы, а этот, с позволения сказать, оригинал все так же продолжал безразлично пялиться в стенку. Со словами «Ах, какая я неуклюжая!», жалея, что не на каблуках, я смачно наступила ему на ногу, вкладывая в этот порыв весь свой гнев. И, пожалуй, после такого мой новомодный тюнинг на кедах был бы полностью компенсирован, если бы не одно но: тип продолжал меня игнорить!

Я начала звереть. Вот серьезно. Стоит себе такой непоколебимый, в сторону простых смертных даже не смотрит, еще и рожу кривит, как будто мы тут все никто и звать никак, а он, блин, великий инквизитор, вышедший погулять по городу и музыку послушать. Ага, и плевать ему на всех, чай бы не отвлекали. Угу, вот чай бы и не отвлекали, а этого…

Бесит.

– Вы выходите?

– Что?

В первый момент я даже не поняла, кому принадлежит баритон, так задумалась над поведением сумасшедшего в наушниках. А потом взглянула вверх, сталкиваясь с внимательным взглядом серых глаз, наслаждаясь убаюкивающим голосом…

– Девушка, так вы выходить будете?!

Кто ж это такой нетерпеливый? Ау, и зачем в спину локтем! Не буду я выходить, не буду!

– Да идите вы, куда хотите. Больно надо! – вызверилась я, отступая.

Тут же меня оттеснили еще дальше, а когда я смогла вернуться на прежнее место, этого типа уже не было. Только запах. Блин, и спрашивается, пока по ногам ему ходила, запах был побоку, а тут прямо вах-вах, верните принца, хочу еще? Нет. Что это за бред с моей съехавшей черепушкой? Кто ей разрешал так ехать! Это же… неправильно все! Я еще понимаю – на почве нового скейта. Или там – суперсовременного ноута. Но какой-то вшивый, вонючий мужик? Да я вас умоляю! Вагон после него до сих пор воняет! Как можно быть таким кретином? Или он вылил весь флакон? Вот уж точно ненормальный!

Успокоив таким образом саму себя, я разочарованно выдохнула и тихо-мирно, без оттаптывания ног ближним, добралась до корпуса своей новой обители знаний.

В здании факультета история чувствовалась с первого взгляда. Такую рухлядь не во всяком архиве встретишь, а тут – целый корпус. И впечатленьице такое… гнетущее. Да уж, теперь ясно, почему собеседование мы отбывали у юристов. Там же только после перестройки. Евроремонт, как-никак. Гранит, лифт, стеклопакеты, коврики. Надо было идти на юриста. Продажная, говорят, профессия, ну так выгодная! Если продают, то и покупают! Чего ж эта идейка мне раньше не пришла, не блондинка ведь?

И правда, не блондинка. Кто меня тогда в продажные возьмет? Была бы рыжая, можно было бы попытаться, те хоть наглые. А я… Покраситься, что ли… Да не поможет. Наглость – состояние души, или то, чем это состояние добывается. Состояние, которое из денег, если вы не поняли. И если без души обойтись можно, то без состояния в современном мире и души не надо. Да и кому эта душа нужна… Хотя если вспомнить корпус юристов… Недаром же про всякие контракты пишут? Может, и правда спрос есть. Ага, так себе и представляю.

Юрист и демон-искуситель. Бедняга мычит, уговаривает, а этому – хоть бы хны. Юристу, я имею в виду. Демон-то, бедняга, поди, не привык к нашим крючкотворам. Эти демонюгу еще и обуют, сам душу у них в лапищах оставит, и придется корячиться на здешних сатанистов до скончания веков. Ведь ушлые эти людишки! Так контракт составят – даже в отпуск не отчалишь. А Трудовой кодекс пока ждешь, так они выдадут что-нибудь типа: «Кодексы для человеков, а вы, уважаемый…» – и так далее. Да уж, с такими людьми даже мифическим демонам понадобятся адвокаты. А эти, как известно, юристы и есть. В общем,

круг замкнут. Но их корпус действительно крут, не то что этот…

Остатки былого величия. Очень былого. И очень величия.

Мысленно простонав от жестокости бытия, я гордо переступила порог кладбища незамутненных разумов, оказавшись в душном склепе наук. А душок стоял. Хороший такой, насыщенный душок. То ли из туалета, то ли из буфета. Да уж, куда я попала? Ну вот куда?

Хотя нет, не так. А куда еще могла Я попасть? Карма – такая карма…

Брать языка ради поиска расписания не пришлось. Доисторические застекленные стенды с карандашными пометками проглядывались на сто миль вперед. Сразу видно: к середине второй пары популярное местечко – холл.

Бодро прошлепав к расписанию, я убедилась, КАК меня любит мироздание. Если еще вчера нам говорили, что пар будет три, то сейчас я имела честь лицезреть гордый прочерк напротив третьего занятия. И четвертого, и пятого. Их всего ДВА сегодня. ДВА! И сейчас уже от пары осталось полчаса! За что мне все это?

Опять спускаться в метро было ниже моего достоинства. Раз уж из дома вышла, так и проведи время с пользой. Какая польза может быть от девушки, которая и на девушку-то с утра не похожа – так, на кикимору немного, узко известная истина умалчивала. Впрочем, деньги имелись, а под столом кто увидит, на прием собрался или на пляж? А косичка… Ну что поделать? «Я у мамы дурочка» – хорошо известный и проверенный годами бренд. Еще и знакомиться кто-нибудь полезет. Ага. Вот смеху-то будет.

Нет, люди – определенно те еще оригинальные личности. Вот сижу я, одинокая кикимора, давлюсь шоколадным мороженым, пялюсь в плазму, разглядывая, как танцуют и поют что-то там про попы. Никого не трогаю… Даже официанта не дергаю! Так нет же, именно ко мне надо приставать! И как приставать! С глупым подкатом «Девушка, вы так прекрасны» и далее по списку.

Ладно, сижу, слушаю, продолжаю давиться мороженым. Уже не лезет, но природная жадность отказывается отступать и методично, вместе с ручками,

запихивает в рот ложку за ложкой. А этот тип все вещает. Красиво вещает. Монотонно, со вкусом. Удовольствие, гад, получает.

Нет, стопроцентно, если чудики с самого утра сыплются, то что могло измениться к обеду? А ничего. Да. И на что рассчитывали мои родители, пытаясь сделать из чертенка-дочери воспитанную и гуманитарно-образованную леди? Нет чтоб пойти у меня на поводу и отправить учиться на химика! Так надо было им первый раз в жизни рогом упереться и сказать: «Ты, мол, Данька, девочка, и профессия у тебя девчачья должна быть. А то рванет один из твоих экспериментов – и камня на камне не останется».

Пришлось уступить. И уступка моя началась, как это символично, с прогула. Так и не прониклась я знаниями в свой первый день в институте благородных девиц. На филфаке, то бишь.

А чудик продолжал вещать. По второму кругу, что ли? Может, стоило диктофон включить да дома послушать? Жалко же, человек старается. Небось, учил, готовился, а я, кикимора неблагодарная, мимо ушей да мимо ушей.

– Простите, уважаемый, мне нужно идти.

Я поднялась со своего места, желая побыстрее расплатиться и упорхнуть в родные края, но не тут-то было. Чудик цепко ухватил меня за запястье и так проникновенно, глядя в глаза, поинтересовался:

– Так вы согласны?

– Угу, всегда и на все, – недовольно хмыкнула я, недоумевая, чего это он так улыбаться начал. – Что-то еще?

– Нет, этого достаточно, – заверил ненормальный, спокойно отпуская мою руку. Признаться: выдохнула с облегчением. Не люблю ненормальных и чудиков. Особенно если это незнакомые чудики. Со знакомыми – оно поспокойнее. Не наступай им на больную мозоль, боготвори Хатцунэ Мико, возлюби Ли Мин Хо, возблагодари небо за новый сингл PSY, да и просто со всем соглашайся. Согласишься – лучший друг. Ведь не будут же они про кумира дурное говорить? Какой фанат так поступает! Вот и сосуществуем мы подобным образом с парочкой адекватных неадекватов. А что? Весело. И даже полезно. Парик в

случае надобности стрельнуть удобно или представление для родителей устроить – дескать, девочка хорошая, в юбочке ходит, с мальчиками интеллигентными встречается, а не с этими, с ободранными локтями и разбитыми после неудачного трюка коленями. Хорошо хоть, братик мои ссадины прикрывал…

Да уж, чего только со мной не случалось. А чудики… Чудики – это так, мелочи. Как насел, так и встал. Осечек еще не было.

Осечек и не случилось. Удовлетворившись ответом, преследовать меня до дома неадекват не стал. Потерялся в районе станции метро. Облегченно переведя дух – терпеть ненавижу, когда кто-то за мной ходит, – я доковыляла до дома. Разувшись и по дороге стягивая носки, пошлепала к себе в комнату. Родителей не было – до конца их работы еще часа три. Брат приходил и того позже, предпочитая проводить время в городе и заглядывать совсем уж ночью ради свидания с кроватью. Чего у подруг не оставался? А не любил спать на чужой кровати. Думаю, когда женится, так кровать и заберет. Или матрас хоть. Чтоб душу грел.

Покачав головой, размышляя над странной привязанностью, я заглянула на кухню, стащила из вазочки конфет и с чистой совестью (поела же!) отправилась на «поля справедливости». Быстренько загрузилась, выбрав любимую змейку, и начала покорять ингибитор. Враги моего порыва не оценили, защищались, как могли, но кто они такие, чтоб мешать нам со змейкой? Ведь это любовь с первого взгляда, с первой игры.

Да уж, поистине неисповедимы пути фэнтезятины. Вот никогда не думала, что любимым героем станет нага. Ведь какая я нага? Так, кикимора болотная, подвид повышенной вредности. Это каждый скажет. И про кикимору, и про вредность.

Устав от игры и продолжавшейся в чате склоки, я сползла со стула и таки отправилась в объятия Морфея. А этот милейший божок не просто манил, а уже стискивал изо всех сил, чего прежде в дневное время суток за ним не водилось. Но, видимо, первый учебный день был так тяжел, что мне требовался двойной отдых, а значит…

Спа-а-а-а-ать.

– З-з-з-з-з-з-з…

Как просыпаться-то не хочется! Перевернулась на другой бок, натянула одеяло повыше, поправила подушку, вляпавшись пальцами во что-то холодное и слизкое… Какое?! Села прежде, чем успела проснуться. Открыла глаза и оторопела.

– З-з-з-з-з-з-з…

Махнула рукой, желая прогнать кровососущего гада. Нет, глупо с моей стороны. Толпы его коллег устремились ко мне, заставляя вновь просить политического убежища у одеяла. Кое-как поместившись под ним и усевшись на подушку – все равно грязная уже, – я серьезно задумалась.

– З-з-з-з-з-з-з…

Блин, почему они никак не успокоятся? Не видят, что ли? Это гора! Просто небольшая белая горка! И нет тут человеков для поедания. Нет, и не будет. Ага, жадные мы. Первая положительная самим нужна, так что разбазаривать на всяких злобных тварей никакой возможности нет. Вот совсем никакой!

– З-з-з-з-з-з-з…

Ай, больно же! И как спящие могут не реагировать на этот укол?! Я вот даже дернулась, чуть не подставив зудящей ораве свой филей. Хорошо хоть, пижама осталась. Не хватало еще оказаться неизвестно где в чем мать родила и без одеяла. Так что будем считать, нам повезло. Хотя это с какой стороны мерки снимать.

Стаи комаров по ту сторону одеяла, холодная земля, которая даже через подушку умудрялась заставлять меня ежиться, нечто скользкое, медленно поднимающее по ноге…

– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

Заорала я прежде, чем успела подумать, вылетев из уже ставших родными кустов. Как они не хотели меня отпускать! Как цеплялись, как висли, умоляя остаться, как плакали мне вслед толпы обездоленных жителей!

Мое сердце прямо кровью обливалось, стоило вспомнить их умоляющие писки и ощущение гадов ползучих. Хорошо хоть, змейка мелкая была и стряхнулась. А если бы кто-то более злобный и зубастый? Нет уж, здесь нам делать нечего. В город нужно подаваться и разбираться, какого лешего меня забыли в этом захолустье? И вообще. Как я здесь умудрилась оказаться?

Напилась? Свежо предание, да верится с трудом. Стала бы я привычки менять, чтобы вот так потом проснуться на каком-то полигоне для лазертака. А именно последний окружающая действительность и напоминала. Кусты с комарами, в которых дернул меня черт засаду устроить (до сих пор вспоминаю с ужасом те пять минут!), деревенские домишки с выбитыми окнами, извилистая, поросшая мхом каменная тропинка. Да уж, то еще местечко.

Идти босиком по мху было, мягко говоря, не пределом мечтаний, но выбирать не приходилось. Уж лучше мох, чем иголки и очередная змейка. Жаль, конечно, что подушка осталась в кустах, но возвращаться туда кормить комаров… Нет уж, сократим популяцию кровососов!

С такими оптимистичными мыслями я бодро зашлепала вперед, здраво рассудив, что если уж народ эту дорожку построил, то на ее концах есть нечто важное. Господи, пусть это будет не кладбище! А то в последний путь, да своими ногами… Это жестоко, Господи, очень жестоко.

Не знаю, услышал ли Всевышний мои молитвы, но дорожка немного выровнялась, да и мох отступал. Приятно, конечно, но ноги уже и так не испортить. Грязные и дурнопахнущие стопы. Да уж, Данька, ты теперь точно кикимора. Нечесаная, покусанная, злая, босоногая и с чудным амбре.

Тяжко вздохнув, я решительно поплелась дальше. Солнце радостно вставало, заставляя меня, с одной стороны, пугаться (выходить к людям таким чудовищем не хотелось), а с другой – радостно плясать самбу (мысленно, разумеется, сил на полноценное исполнение не хватало) в ожидании предстоящего спасения. Ну не верилось мне, что в месте, где есть выложенная камнем тропинка, не обитает никто. Да просто быть такого не может! Еще бы дорогу найти. А там посидеть на

асфальте, погреться… Можно даже пройтись до ближайшего знака, и все – домой!

Дальнейшие мысли сопровождались куда более кровожадными порывами. Во-первых, в плане неотложных дел значилось «Найти скотину, что устроила мне эту занимательную экскурсию». Во-вторых, ему предстояло вытерпеть все виды депиляции, доступные в домашних условиях. Как то: воском, депилятором, пинцетом и всем, на что фантазии хватит. Спускать такой розыгрыш с рук я не собиралась даже любимому братцу, если его рук дело.

Солнышко поднялось уже достаточно высоко, когда дорожка исчезла. Поселений или хоть какой-нибудь захудалой грунтовки не было видно ни в одной из сторон. И да, чуть не забыла: лес так и не кончился. Не кончился – и все тут. Как шел по обе стороны от дорожки, так и продолжал идти. Вот спрашивается: зачем здесь эта окультуренная тропа? Ягоды по маршруту собирать? Или замена желтому кирпичу, которым вымощена дорожка в Изумрудный город? Оригина-а-а-ально.

Есть хотелось все сильнее. Желудок уже не просто напоминал о себе песнями, а перешел к более активным проявлениям недовольства, заставляя кривиться от боли. И чего мне с комарами не сиделось? Подумаешь, летающее мясо! Надо было сидеть и питаться, пока возможность была. Но человек же птица гордая. А нет, не так. Был бы птицей – не отказался бы пожрать, а тут иное. Вспомнила! «Человек – это звучит гордо!» Угу. Вот именно гордо и звучит. Спьяну, как Сатин и разглагольствовал. Очень гордо. А на трезвую голову кто же такую чушь скажет.

Вот будь я сейчас не человеком, а кикиморой какой-нибудь (видок располагает!), поела бы себе комариков, закусила змейкой и счастливая удалилась бы в болота на ПМЖ. Надеюсь, туда еще не добрались бюрократы? А то как представлю: «Предъявите документы на болото», – так смех пробирает. Стоят такие серьезные, в сапогах резиновых, медленно погружаясь в топь… А я без макияжа, с жабой на плече (кошка же непонтово среди кикимор) носочком ил ковыряю и голосом сироты казанской: «Не виноватая я, болото само случилось». Да уж, мысли они такие, борзые. Как поскачут не в ту сторону, так и не переловишь всех. Как блохи. И прыгают, прыгают, куда захотят.

Нет, это все, конечно, хорошо. Свободные ассоциации, незамутненный разум. Но вот если бы этот самый разум подсказал, что делать в такой ситуации? Искать север? А тут как назло мха на деревьях и нет. Весь на дорожку ушел, болезный.

По звездам ориентироваться? Так полдень! И не надо говорить, что думать следовало раньше. Я бы на вас посмотрела! Спросонья, в кустах с комарами и змейками, без еды, воды, зато с одеялом.

Вот сейчас и мне поплохело. Пока шла – все было нормально. Идешь и идешь. Куда? Вперед! Почему вперед? Так не назад же! А когда дорожка оборвалась, так и направления не стало. И идти больше некуда.

К своему глубочайшему позору, я поступила недостойно. Бросила одеяло на землю, села и разрыдалась, топя нехорошие мысли в слезах. Конечно, тут уж лучше в вине, но вино я не переносила, да и не было под рукой.

Увы, мой плач никто не прервал. Не оказалось тут, леший их за пятку, принцев на белых лосях, готовых поддержать невинную деву в трудный момент материально. Морально мы бы и в одиночку пережили. Но чего нет, того нет.

– Бж-ж-жк… Бж-ж-жк… Бж-ж-жк… Бж-ж-жк…

Резко обернувшись на приближающийся звук, я быстренько оценила, на что может быть похоже мое явление людям, и решила предварительно обозреть этих счастливцев. Почему счастливцев? Так они клад нашли! Целую меня!

Тем не менее, как девушка условно умная, я полезла в ближайшие кусты. Не забыв захватить одеяло и даже два раза, крест-накрест, поскрести ногой землю. А то примяла одеялом, следы оставила. Ну их, эти следы. Пусть радуются сюрпризу. Счастье должно на голову сыпаться. Хотя на ветки я не полезу в одеяле…

Поскольку одеяло уже было не так жалко и оно приобрело лесной зелено-коричневый цвет, я удобно устроилась прямо на нем. Всунула в волосы две веточки кустарника, в котором засела, завершая маскировку, и принялась ждать своих спасителей.

А спасители не торопились. То ли телега у них была совсем уж дряхленькая, то ли несли ее на руках, издыхающую, но стоны ее не прекращались, а спасители так и не появлялись. До поры до времени.

Оценив спасителей, которые больше на губителей со стажем походили, я возблагодарила всех богов, что послали мне прозрение и кусты. Особенно кусты. Прозрение – продукт скоропортящийся и малополезный без комплекта благоприятных обстоятельств. А здесь! Здесь даже комаров не было! Чудо, а не кусты!

Но вернемся к нашим губителям. Три типа сосредоточенно толкали готовую развалиться телегу, на которой лежал стонущий ковер. Конечно, рискну предположить, что ковер сам по себе не стонал, а стонало нечто, погруженное в его недра. Это предположение подтверждалось еще и тем, что при ближайшем рассмотрении в ковре обнаружилась нога. Что логично – без сапог, зато в дырявом носке, выдающем в объекте мужчину. Ну какая уважающая себя девушка напялит рваный носок?

Эй, вы чего? Носки – это святое. Как вы могли такое подумать! Я – и рваные носки! Нет уж, лучше босиком!

Тем временем, не вдаваясь в мысленные дискуссии о целостности структуры носков подотчетного объекта, эти трое остановились и самым натуральным образов почесали черепушки. Назвать широченные головы с широкими лбами, маленькими глазками-щелочками, огромнейшими ртами со сточенными, плоскими зубами, обнажавшимися при ухмылке, никак иначе не получалось. Черепушки – и все. О, еще есть слово «головешки», но это, кажется, совсем другая опера. А мы оперу не любим, так что вернемся к нашему цирку. Главное, чтобы животные новое действующее лицо не сожрали. А то скучно будет на этом свете. Комарам!

Спасатели-губители наконец пришли к какому-то общему решению, заставив меня всерьез предположить наличие у них коллективного разума. Активировался он путем почесывания черепушек всеми тремя индивидами одновременно. Никак иначе их последовавшие слаженные действия по извлечению жертвы из ковра я объяснить не могу.

Бедного дяденьку уронили, подняли, толкнули вместе с ковром, он упал, его снова подняли, снова уронили… Какие хорошие здесь все-таки кусты. Только бы никому еще не приглянуться.

И кто меня за мысли-то тянул?

Один из губителей решил временно уединиться с природой. В моих кустах. А невидимость еще не изобрели…

– А-а-а-а-а-а-а!

Кто кого испугался больше – вообще вопрос спорный. Но убегал определенно он. Хм, странные здесь губители. Молодых и одиноких боятся, а сильных и волосатых в ковер закатывают. Да уж, наши бы никогда так не поступили. Подумаешь! Грязная, но ведь баба. Или я даже на бабу не похожа? Вот найду я тебя, извращенца-шутника!

А этот продолжать голосить и тыкать в кусты пальцем. Все тыкал и тыкал, тыкал и тыкал, пока другой умник не подошел. А я что? Я ничего. Сижу на одеяле и шоу смотрю. Раз уж страшный зверь я, так пусть боятся – сговорчивей станут. А побегут – так и я за ними. Эти-то путь из леса знают. Кругом выгода, только самолюбие уязвленное. Бегут как от страхолюдины!

Второй не стал оригинальничать: глаза выпучил, палец выставил и тоже как заорет! Ничегошеньки не поняла, но да ладно. Убоялся – уже хорошо. Догадка верная: я здесь самый страшный зверь, прямо сказочный злодей. А если встану и «Бу!» сделаю…

Плохая была идея. Зато как красиво мелькают их ботинки на фоне прекрасных сосен… Интересно, а если бы у них шнурки развязались, они бы стали их завязывать или…

– Не стали, – грустно констатировала я, глядя, как уползает один из шкафчиков. Быстренько так, с чувством. Вот он, инстинкт самосохранения, в действии. Эх, и чем это я их так испугала?

Увы, ответить на этот вопрос мог только оставшийся валяться в ковре бедняга. Его спасатели почему-то не прихватили. А как же убийство? Или ради чего еще можно тащить вяло сопротивляющийся будущий труп в лес? Хм, решили, что смерть в лапах чудовища лесного круче? Им еще и доплатят за сообразительность? Вполне возможно, кто этих шкафчиков поймет!

Пожав плечами, я выползла из кустов, оставив им на память клок своих драгоценных среднерусых волос. Кусты, вестимо, промолчали, не в силах

передать всю степень своего восхищения моим натуральным волосом и его оригинальным цветом. Но, в общем-то, я не в обиде. И так, родимые, выручили.

Здраво рассудив, что раз уж меня убоялись шкафчики, то самой мне бояться нечего (венец страхолюдной эволюции здесь я), я принялась нежно, ногами, разворачивать ковер. А что поделать? Ручки-то слабые. Их жалко.

Как ни странно, против разматывания даже в исполнении кустовой нечисти, на которую я была похожа, бывший претендент на переселение в иной мир не возражал. Стонал, героически закусывал губу, но так ничего и не сказал. А где традиционное «Какого черта?» или, на худой конец, «Ты че творишь, ненормальная»? Да уж, не будь я нормальной жительницей двадцать первого века из города-миллионера, решила бы, что чокнулась. А так… кто этих чудных знает? Может, он мазохист?

Хм, а может, это и правда ролевка была, а я помешала? Нет, ну вы представьте: кого может напугать девушка семнадцати лет от роду, нечесаная, голодная и злая, устроившая засаду в кустах на одеяле? Ну вот кого это испугать может? Так, в дурку позвонят – и дальше пойдут. Еще и на мобильник поснимают, знаю я этих современных гуманистов. Соберешься с крыши прыгать, так они подождать попросят. Думаете, из-за человеколюбия? Шиш, камеру на телефоне еще не включили. Да уж, странные здесь аборигены, но ладно. Языка мне оставили, будем работать с тем, что имеем.

А имели мы субтильного субъекта с легким расходящимся косоглазием и пучеглазостью (и чего он так вылупился?) на почве чрезмерного восхищения нашей скромной персоной. Едва оказавшись на свободе, этот рыжий предпринял попытку к бегству, явно пытаясь подражать более удачливым предшественникам. Э нет, у меня тут больше языков не осталось, а значит…

Вот! А теперь он стонет. Лежит и стонет. Сидит и стонет. Упал и стонет. Нет, я так не играю. Почему, голодная и злая, я должна нянчиться с этим обалдуем? Не хочет сидеть – пусть валяется, я его с земли поднимать не буду. Может, у него религиозный экстаз на фоне моего явления его очам? А что? Мечтать не вредно. Мне.

Удостоверившись, что сбегать жертва нашего очарования (три подсечки и один захват) не будет, я с гордо поднятой головой задала самый гениальный вопрос в

мире:

– Ты кто такой?

Будущий проводник вопроса не оценил, уставившись на меня в священном ужасе. Хм, а внешность вроде бы европейская. Русский не понимает? Ладно, пойдем другим путем.

– Do you speak English?

Увы, английский тоже не возымел действия. И как прикажете с ним общаться? Нет, люди, вот как такое возможно? Европеец – и не понимает самого простого и известного вопроса? Реликт, что уж говорить. Все лучшее – Даньке, кикиморе недоделанной. И куда меня занесло? Ну вот серьезно, вы знаете хоть одно место, куда бы не добрался инглиш? Африканское племя тумба-юмба? Так не в Африке же…

На всякий случай еще раз быстренько оценила окружающий пейзаж. Нет, не Африка. Слонов – нет. Жирафов – нет. Змей… Эти есть, но не покусательные. Точно, не Африка.

Эх, знала же, что поступать надо на актерское. Самое полезное направление. Язык жестов изучила бы в совершенстве и не пыталась битый час объяснить этому ненормальному, совсем отчаявшемуся куда-то сбежать и сидевшему неподвижно, что мне от него нужно.

Указание на рот и поглаживание по животику возымели странное действие. Парень подавился воздухом и так расстроился, что мне показалось, сейчас заплачет. Он что, решил, что я его есть собираюсь? Блин, как сложно, оказывается, общаться жестами! Никакого понимания, только извращенное.

– Кушать, я кушать хочу, – на всякий случай продублировала голосом.

– Ку-шать? – по слогам переспросил он.

Ну хоть не глухой. Еще бы и попонятливее был. Бутербродик бы перед прогулкой захватил. Да, жжешь, Данька! Какие бутерброды? Где бы он их прятал? В ковре?

В сапоги бы засунул или в носки с дыркой, чтоб по дороге потерялись? Совсем уже крыша от голода поехала.

– Ты знаешь, где искать людей? Человеков?

Надежда, что он поймет хоть что-то, уезжала на поезде, издевательски помахивая платочком. Но… случилось чудо?

– Люди?

Таким китайским болванчиком я еще никогда не была. Возрадовавшись, что хоть какое-то слово он знает и понимает (интересно, почему?), я чуть было танцы разводить не стала. Судя по его облегченному виду, парень понял, что поедание его на ужин откладывается.

Он поднялся, отряхнулся, впервые выказав недовольство собственным потрепанным видом: рубашка драная и грязная, штаны в болотной жиже (и где только отыскал?), носки опять же дырявые, прически у нас явно одного мастера. Моя «Я упала с самосвала, тормозила головой» и его «Клей-момент – закрепи эффект». По крайней мере, чем расчесать его лохмы, я не представляла. Их что, реально, склеивали вручную?

Впрочем, концентрировать внимание на чужих лохмах – задача неблагодарная. Что нового можно найти в этих обыденных и присущих почти всем вещам? А потому я сходила поднять свое одеяло (единственное оставшееся имущество нужно ценить!) и поплелась вслед за парнем по дорожке, заросшей мхом. То ли от голода, то ли от солнечного удара, но очень быстро сознание мое уплыло.

Приплыли! Первое, что я увидела, очнувшись, был потолок. Симпатичный такой побеленный потолок, прямо как у меня дома. Но здесь почему-то отсутствовала такая милая сердцу вещица, как лампа. Нет, я понимаю, что пока света и из окна достаточно, но вот наступит ночь, и как жить без электричества? Со свечкой ходить? Страшно ведь.

Вторым приятным обстоятельством было то, что я лежала. И даже на мягком. И даже на вкусно пахнущем. Принюхалась… Батюшки, да от меня же не воняет!

Неужели все же больничка? Но без света… Особое отделение дурдома? Не-е-ет, я так не хочу. Мне еще ловить шутников, из-за которых мои бедные ножки ноют.

А под ложечкой сосало. Интересно, здесь кормят?

Я села на постели и, свесив ноги, решительно огляделась. Потолок действительно имел приятный белый цвет, но увы, на побелку это не походило. Скорее на некую субстанцию, которая еще и шевелилась. Бред. Или у меня, или у всего мира. Да, дурдом, кажется, мы с тобой навеки связаны.

Выщербленный пол, которому, казалось, не меньше ста лет. По крайней мере, похожий я видела у своей прабабушки в деревне. Но того специфического, въедавшегося во все вещи запаха деревни здесь не было. Так, легкий болотный аромат. Даже приятный, должна отметить.

Кроме, собственно, потолка и пола, как может предположить каждый образованный человек, в комнате имелись стены. Увы и ах, голые и холодные. Вероятно, потратившись на новомодный потолок с иллюзией ряби, владельцы забыли оставить средства для отделки стен, которые так и остались стоять голыми. Зато потолок… Он крут, это да. Как это все-таки по-нашему – отгрохать нечто одно, зато так, чтоб все ахнули!

Обстановка также оставляла желать если не лучшего, то хотя бы привычного. Явным нарушением законов дурдома в углу примостился стул с высокой спинкой, на котором мило возлежало мое грязное одеяло, кем-то заботливо сложенное особенно выдающимся пятном вверх.

И, наконец, последнее, что имелось в комнате, – окно. Оно было расположено выше, чем мы привыкли видеть в домах, под самым потолком. Полукруглое отверстие в стене, через которое в комнату попадал свет.

Здраво рассудила, что прежде чем идти и выяснять, куда я на этот раз попала, нужно разведать обстановку. Взяла стул, сместила его величество одеяло на пол, подтащила свою импровизированную лестницу к окну и выглянула наружу. Оттуда выглянули на меня. Даже не тот субтильный типчик, а настоящая жаба, разве что размером побольше.

Отлепившись от окна со скоростью звука, с громким писком (ну не удержалась! А вы бы смогли промолчать, когда ЭТО пялится на вас, еще и языком окно облизывает?) я бросилась к открывшейся двери. Промчалась мимо какой-то довольно милой дамы, пронеслась по лестнице и чуть не вылетела в болото, не поймай меня за шкирку та самая женщина.

– Уты-уты, куда это так норовим? В болото нам еще рано. Маленькие, не доросли.

Уточнять, до чего не доросли какие-то «уты», женщина не стала, а я… Я приходила в себя от шока. Она говорит на простом и понятном русском языке! Свершилось чудо! Шизофрения прогрессирует. Я начала понимать местных обитателей! Победа!

Мило улыбаясь, эта добрая дама отконвоировала меня домой и усадила на стул, занявшись своими делами.

Комната мало походила на мою собственную. Возможно, все дело было в том, что она больше напоминала кухню. Милые резные шкафчики на стенах, кухонная утварь на полочках, стол… Большой обеденный и пара маленьких, для готовки. И даже печка с зеленым огнем.

Да уж, если болото, то все зеленое. А после недавнего забега я нисколечко не сомневалась, что домик этот стоит посередине самого настоящего болота.

– Голодная?

– Да, – честно призналась я, прикинув, что даже злая Баба-яга сначала спать укладывала, а потом уже печку топила и жарила. Или тут порядок действий сбит? Помыть-то меня помыли, спать уложили, а сейчас нафаршируют и запекут? Да уж, Данька, все у тебя не как у людей.

– Простите, не могли бы вы ответить на парочку вопросов? – забросила удочку я.

Если и планировать побег, то нужно хотя бы разжиться информацией, в какую сторону бежать. А раз языка мы потеряли, придется идти на контакт с похитителями-содержателями.

– Конечно, милая, – легко согласилась женщина, засовывая в печь горшочек. – Сейчас за молочком схожу и поговорим. Ты какое больше любишь: коровье или козье?

– Коровье, – выбрала я знакомый продукт.

Козье, может, и полезнее, но пробовать его доводилось только в очень далеком детстве, а последствия уже не поддавались восстановлению в моей девичьей памяти.

Женщина кивнула, принимая к сведению ответ, но вернулась с двумя бидончиками, которые были поставлены на стол. Вскоре к ним присоединился еще теплый белый хлеб, а уж когда из печки начали доноситься запахи, я едва слюной не захлебнулась. Да, хорошо у бабушки в деревне!

Женщина устало присела.

– А теперь и поговорить можно. Ты откуда такая неопытная взялась? Хорошо хоть, додумалась к людям попроситься. Эти узнали и ко мне принесли. А без моей-то помощи что бы ты делала? Нельзя, нельзя вас, дурех молодых, свет смотреть отпускать. Влюбитесь в рожу кривую да слова вихлястые и пропадете совсем. На кого только похожа стала! И это кикимора! Цвет болотного общества!..

Она говорила, и говорила, и опять говорила, и все про дурех молодых, кикимор каких-то, пока наконец не припечатала:

– Если свет белый так люб, то иди в КАКу поступай, неча шляться без дела!

Я едва не подавилась. Нет, то, что меня готовы отпустить, – это хорошо. Тут жаловаться не на что. Но вот идти в какую-то каку, чтобы без дела не сидеть? Нет уж. В каку я не хочу. Если в школу какую-нибудь, то подумала бы еще. А тут – кака. И вообще, мне домой попасть надо! Предки, наверное, уже заявление написали, и меня ищут. Так что не засиживаемся, идем в город и властям сдаемся. А там – домой и спатьки. Не забыть еще в блоге расписать, как я страдала. Там такое любят!

– Кака – это хорошо, – решила проявить дипломатичность я. – А ближайший город далеко?

– Так в ближайшем КАКа и находится, – пояснила женщина. – Но сейчас туда идти смысла не имеет. Прием только недели через две, а тут всего два дня пути. Что же тебе в городе одной делать! Попадешь в передрягу. Любят сейчас кикиморушек обижать. И не вступится никто. Болотный цвет редко с людями этими проклятыми контактирует.

– А с нелюдями? – развеселилась я.

Раз уж это моя шизофрения, то удовольствие нужно получать.

– А с нелюдями торгуем. Разве не знаешь? Сама-то из какого болота? Забугорского или Подречного? Али еще дальше? Вересневого? Семиречного?

– Не знаю… Я потеряшка. Проснулась в кустах с комарами, ни отца, ни матери не помню, – так прониклась собственной историей, что даже всхлипнула. – Совсем ничегошеньки не помню.

– Бедняжечка моя, – засуетилась женщина. – Ничего, все хорошо будет. Узнаем мы, какое твое болото.

Не оставлю я тебя. Если нужно, сама выучу. Давно дочку хотела, да умер мой болотник. Не успели дитя народити. Ах, котенька, не брошу я тебя. Не бойся.

Мне даже стыдно стало так обманывать бедную женщину. С другой стороны, если это игры моего сознания, то обманывать саму себя не зазорно.

– А звать-то как, помнишь? – внезапно спросила женщина.

– Данька, – ответила прежде, чем успела подумать, я.

Нет, конечно, в паспорте было написано не так. Там я значилась Вересновой Даной Игоревной, но полным именем меня даже в школе не звали, так что простецкое «Данька» стало куда родней официального.

– И то хлеб, – проговорила женщина. – А меня Ванией зовут. Но чаще – Ванична. Так что если услышишь в селе, что Ваничну кличут, так это за мной. Где село-то, видела?

– Нет, – призналась я, прикидывая, какой же обширный хронотоп у моих глюков. Село, некая кака в городе, сам город.

– Тогда, детонька, после еды и сходим. Наденешь платье другое – и пойдем. А то не гоже девкам в таком сраме щеголять.

Хм, сраме? Это она про мою ставшую подозрительно чистой пижаму? Так и не срам вовсе! Длинная, до самых коленок… Кофта с рукавчиками, выреза и в помине нет. Мерзну я, горло продувает, вот и выбираю тщательно.

– У вас есть, во что мне переодеться?

– Да, сейчас принесу, – кивнула Ванична, поднялась и неспешно скрылась на лестнице.

Интересно, здесь весь дом под болотом сидит? А что, удобно. Никто не полезет в топь. Живи – не хочу. Ну точно кикиморина хатка. Вспомнились собственные мысли про бюрократов. А что? Тут точно утопнут. Мне самой-то страшно выходить, а по ту сторону прыгать… «Кочек нет», – услужливо подсказала память. Да уж, в такой ситуации остается только полет осваивать. Хотя, говорят, за деньги чиновник на все пойдет. Хм, а крылатые бригады чиновников существуют? Правда, если это моя больная фантазия – здесь и не такое появится.

– Держи, дочка.

Как-то совсем незаметно прошел этот переход с наименованием меня. И что странно, моя вечно протестующая суть не возражала в этот раз, принимая данное обращение как само собой разумеющееся. Нет, я точно в бреду. И как давно? А шутник-депилятор – это тоже больная фантазия или он существовал на самом деле? Какой-нибудь фриковский, как тот, приставучий. Нес какую-то ересь. А про что он говорил?

Голова отозвалась странной болью. Нет, не вспомню уже, чего он хотел. Отшила и отшила, и дело с концом. Точнее, с сарафаном, который мне довольно вручили. А что? Сарафан неплохой. Из натуральных тканей. Полезный, как сказала бы моя бабушка. Кожа в нем дышать будет. Ну и что, что из моды вышел давно. Кто этой моде следует? Жертвы? Оно и видно.

Выбирать не приходилось. Вернувшись в свою «палату», я быстренько переоделась в длинные плотные штанишки, рубашку и сверху нацепила сарафан. Выглядела потешно, хотя Ванична встретила мое появление с одобрением. Да и сама носила похожий сарафан.

Хм… значит, будем делать хорошую мину при плохой игре. Как там в песне? «Я иду такая вся в Дольче Габана»?

Вот и отлично. Если там, на показах, модели сохраняют покерфэйс, то что обо мне говорить? Мы, так сказать, тренированные суровой цивилизованной действительностью, где ходят, перекатываясь, попы, отплясывают скелеты, а про Барби с собачками вспоминать страшно. Нет уж, лучше сарафан.

Придав лицу высокомерное выражение, призванное лишний раз подчеркнуть всю тщету окружающего мира, я направилась к выходу вслед за Ваничной, когда случайно заметила самый страшный предмет в жизни девушки. Нет, не угадали, весов здесь не было. К тому же существует множество девушек, которым плевать на вес. А вот на внешность… Да, поистине самый страшный враг любой красавицы и не очень (типа меня) – зеркало. Против его вердикта даже апелляцию не подашь. Можно, конечно, попытаться, но в нужный момент тональник просто смоется. Или тушь потечет, или еще что-то случится из разряда приятных неожиданностей.

Так вот, со священным трепетом я устремилась к этому оракулу и замерла. Нет, я, конечно, знала, что далеко не красавица, но чтобы до такой степени?! Куда делись мои девственно целые брови, которых в жизни пинцет не касался? А прыщ на носу? Моя гордость, мой талисман, мое спасение от лживости окружающих? Куда подевался мой драгоценный прыщ? Верните его немедленно! А нос жабкой! Он никогда правильной формы не был! Это что за извращение! Хочу назад картошечку. Эта форма шла мне к бровям. И не так жалко было об скейт стукаться. Подумаешь, сломаешь! Было бы что ломать. А теперь?! Вот как? Как с этим безобразием жить? А глаза? Куда мешки делись? Куда мне сны теперь запихивать? Да уж, поиздевались мои глюки.

Единственное, что осталось в прежних традициях, – грива. Только сейчас и она была совсем другой. Зеленой, как болотная тина, и с колтунами. И это мои милые, гладкие и послушные, которые никогда не доставляли проблем? Ну хоть что-то глюки сделали правильно!

Из дома Ваничны я вышла в приподнятом настроении. Даже интересно походить с новым для себя цветом. Если бы еще и лицо не подкачало! Но всегда есть ложка дегтя в бочке меда. И эта ложка – волосы. Все остальное – да… Терпеть ненавижу мед.

Идти по болоту было страшно. Кочек, как я уже упоминала, не имелось, но Ванична ступала спокойно. Каждый шаг ее казался уверенным и совсем не обдуманным. Она просто шла, как будто и дорогу не вспоминала, а прогуливалась. И знаете, ее уверенность передалась и мне. Если поначалу я старалась в точности повторять ее шаги, то, осмелев, потопала рядом. Женщина одобрительно улыбнулась.

– Я уж думала, так и пойдешь следом. Даже не скажешь, что ты из наших. Наши еще с молодых годков по болотам бегают, а ты осторожничаешь. Взрослая девка, а все туда же. Замараться боишься?

Я отрицательно замотала головой с видом оскорбленной невинности.

– Вот и славно, будешь мне помогать. Я в село бегать не привыкла, а сезон самый. Торговать пора.

Чем может торговать одинокая женщина, проживающая на болоте, я даже спрашивать боялась. Хоть и любопытно. Интересно, сколько лет дали бы мне за ее ассортимент, если бы это не глюки глючились? Мозг прайсом, увы, не располагал и воздержался от выдвижения каких-либо числовых комбинаций.

К селу мы вышли не скоро. Часа два, не меньше. Сущий ад. Идти в выданных Ваничной лаптях было выше моих сил. Казалось, даже босиком топать много приятней, чем так.

– Подожди, сапоги купим, – успокоила женщина.

Хотя мысль о сапогах летом (а здесь царило именно оно, видимо, мое подсознание тоже не любило снег и холод) и была, на мой взгляд, несколько неразумной, я промолчала. Все же лишними не будут. Тем более если через две недели – набор в местное училище.

Мои размышления о сезонной моде прервало зычное:

– Посторонись!!!

Ванична резво отпрыгнула в сторону, уступая дорогу несущемуся на всех парах всаднику. Меня она предусмотрительно дернула за шиворот, уберегая от копыт. Хм, видно, здесь прекрасно знают, что пешеход, конечно, прав, но только пока жив. А чтобы быть живым, нужно следовать правилам. И иначе никак. Хотя и конным следовало бы подучить ПДД, чтобы не затаптывать бедных путников.

Женщина тем временем спокойно продолжила путь, даже не крикнув вдогонку этому нахалу пару ласковых, как поступила бы любая чуть не сбитая дама. А уж дама в возрасте применила бы весь многолетний опыт, чтобы округа обзавидовалась ее словарному запасу.

– И часто здесь так? – осторожно поинтересовалась я, вслед за Ваничной поднимаясь на холм, выбранный для проживания местными селянами.

– Бывает, – равнодушно отозвалась она, заставив меня поежиться.

Это что же получается? Глаза на затылке становятся не патологией, а насущной необходимостью?

Село встретило нас дружно. Почему-то у ворот импровизированного заборчика, тянувшегося на два-три метра от входа, собралось с два десятка детин, очень напоминавших недавно мной изученных шкафчиков. То же почесывание черепушки, тот же словарный запас, то же «Ы-ы-ы-ы» и те же длинные пальцы и выпученные глаза. Ну вот серьезно? И не надоело им? У нас бы на второй раз уже и не смотрели на фрика. Подумаешь, чего тут не видели? А так… достопримечательностью себя чувствуешь. Неодушевленной и голубями помеченной, ибо грязными пальцами тыкали. А если бы достали? Нет уж, лучше за заборчиком постою.

Ванична быстро оглядела процессию встречающих, топнула ножкой и, уперев руки в боки, принялась отчитывать:

– Это что еще такое? Пришли к вам две девицы красные. – Один из встречающих хмыкнул. – С намерениями добрыми. – Теперь хмыкали и переглядывались двое. – Людей добрых повидать. – Уже не хмыкали. Самые отважные начали отступать в тыл. – Гостинцами попотчевать. – Тут уж я задумалась. Какие это гостинцы мимо меня прошли? Непорядок! – А вы – такой прием, как гнусы противные! Не бывать вашему урожаю добрым, а девкам – плодовитыми! – в сердцах бросила Ванична и, развернувшись, медленно, чтобы успели оценить, что теряют, начала спускаться с холма.

Понятное дело, я за ней шла. Какое довольное у нее лицо было, когда я в него заглянула! Даже кот, объевшийся сметаны, выглядел бы рядом с ней жалко. Мы успели спуститься к подножию холма, когда нас догнал мужичок лет сорока. В соломенной шляпе, раскидистыми ро… усами и красным носом. Не иначе как от постоянного бдения над судьбами деревни.

– Это что за безобразие? – накинулась на него Ванична. – Пришли мы как люди добрые, хотела дочке село ваше показать. Вдруг приглянулось бы. А вы что устроили?

– Невиноватые мы! Приказ самого королька – всю нечисть болотную гнать в три шеи. Ибо злодеяниями путь их усеян. Да чтобы мы сами, да по своей воле. Быть такому не бывать!

– Ах, не бывать?

По тому, как женщина давилась смехом, я начала подозревать, что представление разыгрывается специально для меня. Только зачем? Традиция? Все может быть. А они продолжали. Вот уже в ход и рукоприкладство пошло, и ухокручение, и мольбы-заверения. Наконец сердце Ваничны не устояло, и она заявила:

– Хорошо, молодец. Веди в свою деревню, сниму чары окаянные. Не станут ваши поля пустеть, а житницы – гнить. Девки беды знать не будут, ребятишки хворы забудут.

Закончила и выжидающе на меня посмотрела. А я что? Я ничего. Уже усесться на землю успела и теперь с интересом следила за происходящим. Заметив, как на меня глядят, послушно встала и поаплодировала. Представление вышло что надо.

– Так, может, это, – замялся главный герой самодельной пьесы, – того, в дом пойдем? Костьника уже и ужин сготовила, приказала вести быстрей.

– Веди, – милостиво позволила Ванична. – Умаялась я что-то.

Глава 2

Домоводство и его практическое применение

Правильное домоводство есть лучший способ заставить окружающих все делать вместо тебя.

Вот уже третий день, как я участвовала в народном аттракционе «разожги печь». За время учений в результате самовозгорания были подпалены или сожжены следующие предметы быта: занавески, три полотенца, коврик у входа, две ножки стула, один стол, пара лаптей, нож с деревянной ручкой, ложка, лучинка, горшок цветочный, обыкновенный.

Несмотря на большую смертность среди предметов быта, Ванична не теряла надежды приобщить меня к местным способам приготовления еды. С каждым днем ее надежда становилась все маниакальнее, и меня заставляли пробовать снова и снова. Вероятно, она хотела взять печь измором, чтобы та при виде меня сама растапливалась. Ничем другим я подобное упрямство объяснить не могла.

И да, для лучшего вливания в мир собственных глюков мной было принято решение вести хозяйственно-просветительские записи. Пока преимущественно хозяйственного толка. Уже даже первую сделала: «Трогать жабу в период линьки опасно для жизни». Нет, не поймите неправильно. В гробу я видела эту жабу и ее линьку, но кормить живность прочно вошло в мои обязанности. «Любят животинки молодую кровь», – туманно пояснила свое решение Ванична,

выдавая мне ведро с дурнопахнущей смесью а-ля «суп-пюре для извращенцев».

Да уж, молодую кровь они любят. Портить. Пока я воевала с жабой, уговаривая ее отхлебнуть из чудо-ведерка, это самое чудо-ведро умыкнул ужик. И не надо ржать. Этот ужик очень умный, а при длине в три-четыре метра утянуть какое-то ведро для него – раз плюнуть. И попало же мне… Пришлось самой идти и комаров ловить.

Почему комаров? Так любит их Жабка. Ванична хотела нас сдружить и сама ловила комариков, чтобы суп любимой скотинке сделать, а тут такая потеря. В общем, выдали мне сачок, мешок как из-под картошки и отправили на болото.

Нет, не пугайтесь, Ванична меня нежит, пылинки сдувает. А на болото… Ну так водятся там комары. И меня любят. Как увидят, так и несутся всей стаей. Познакомиться хотят. Это мне Ванична объяснила. Дескать, комары молодые, кикимор настоящих не видели, вот и бегут со всех крыл на чудо посмотреть. Ага, а кикимора стоит. Сачком махает и в суп их, в суп, чтоб неповадно. Этакая плата за просмотр с летальным эффектом. И ведь продолжают лететь. Если бы еще покусать не пытались от полноты чувств… Но это молодняк.

Более степенные комары, как сказала Ванична, таких, как мы, видели и попробовать не пытаются, а уважительно облетают за версту, чтобы в суп не попасть. Они и молодняк просвещают, но куда уж там. Детки-то всегда себя правыми считают. Без исключений. Что комарьи, что человечьи, что кикиморины. Последнее Ванична особенно подчеркивала, на меня косясь. А что я? Я ничего. Подумаешь, забыла сарай у Жабки запереть.

Так не сбежала скотинка. А могла бы. Нет же, выскочила – и давай вокруг дома бегать. А мне потом болото равняй, чтоб не прохудилось где.

В общем, не жизнь, а сказка. Злая какая-то и уж больно хозяйственная. Золушка, что ли? Нет, на мачеху Ванична не тянула. Да и принца на горизонте нет. Или сынок старостин за принца сойдет?

Этот, должна отметить, достойный сын своего отца решил пойти по стопам папеньки и направился прямо к нам, на болото. Пришел, уселся на пенек в сторонке. Сидит, веником обмахивается, горланит какие-то песни. Жабка прямо заслушалась – давно ее соплеменники серенады под окнами не пели, заскучала

бедная Жабка по мужскому вниманию. А Ванична села повздыхать у окошка, но уже на второй ноте с грохотом захлопнула ставни и дверь на щеколду закрыла. Еще и мне сказала не выходить, чтоб ушки мои слабенькие не пострадали.

А мы и рады стараться. Это же целый день лентяйства. К печке меня точно не поведут – дрова-то все на улице, в сарайчике у Жабки, а тот запас, что в доме хранится… Так не для разбазаривания он. Посему, к моему крайнему облегчению, меня выгнали погулять по дому.

Гулять, конечно, было скучно, и я отправилась на облюбованный чердак. Именно здесь и хранились мои «записки сумасшедшего», кои я собиралась пополнить в самое ближайшее время. Выглянула во двор, где самозабвенно мучил гусли старостин сынок (на веник уже и смотреть жалко было), и сделала вторую запись в кладезь умных мыслей: «Хуже Жабки и печки может быть только горловое пение».

Какое отношение эта запись имела к хозяйству, я слабо представляла, но не увековечить полезный опыт не могла. И вот еще: после знакомства с Ваничной я резко стала всех здесь понимать. То ли адаптация к глюкам вышла на новую стадию, то ли еще что, но факт оставался фактом. Я всех понимала. Даже Жабку иногда.

Сказала о последнем Ваничне, так она тут же славу возносить какому-то Болотному Божку стала. Дескать, благословил батюшка, настоящая кикимора растет, будет, кому болотце передать с хозяйством. Кажется, от идеи сплавить меня несуществующим в этом кошмаре родителям женщина отказалась. Ну и ладно, мне же легче. Врать меньше. Когда-нибудь этот затяжной бред кончится, и все снова будет по-старому. Эх, надеюсь, факультет за это время распрощается со мной, и я смогу податься в химики.

Почему-то в последнее верилось с трудом, ну да ладно.

Подведем итоги нашей бурной трехдневной деятельности. Погружение проходит успешно. Аборигены уверены, что я – одна из них. Комары не обижают, Жабы в любви признаются, печка морщится и не признает. Все как обычно. А, и еще… Появились поклонники. На данный момент – в количестве одной штуки. Настырный, без слуха, страшный. Итог – не подходит.

Старался бедный поклонник до самого вечера. Уже и первые звезды загорелись, когда он подобрал свой веник, засунул гусли под мышку и утопал в сторону деревни. Что-то подсказывало, что завтра он если и придет, то веник принесет тот же. Весь в папочку? Так зачем лишний раз тратиться, если вещь еще целая.

– Данька, ужин стынет. – А это уже мне. – Иди кушать, дочка.

Я решила не отвечать словами, предпочитая ответить делами, и быстренько спустилась на кухню. На моем месте стояла тарелка с супом, лежала ложка и ломоть хлеба. Большой, ароматный, с семечками. Давно такой хотела.

– Спасибо, матушка, – поблагодарила я, замечая, как расплывается в улыбке Ванична.

Нравилось ей это обращение, а мне совсем несложно сделать ей приятное.

Неожиданно женщина погрустнела. Она медленно опустилась напротив и шумно выдохнула:

– Прости дочка, не смогли твоих родителей найти. И тебя никто не вспомнил.

Ну еще бы меня кто-то вспомнил. Было бы удивительно, но…

– И что же теперь делать?

«Мордашку погрустнее», – промелькнула ехидная мысль.

– Ничего, дочка, со мной останешься. Наследницей будешь. Всему научу, настоящей болотницей вырастешь.

– А кака? – несмело поинтересовалась я.

Я уже успела смириться, что придется туда идти, и даже думала, что в пути понадобится.

– А что – КАКа? Пойдешь, отучишься годок… Болотники-то больше и не учатся, сбегают. Мучают там наших, за людей не считают. Придираются. Я бы тебя не пускала, но правила. Один курс отучиться каждая болотница должна. Чтобы замуж выйти да деток после учить. Ты уж постарайся в грязь лицом не ударить. Хорошо учись, на троечки. Чтобы мне стыдно не было. А то сынок Гречневых чего удумал: четверку получил! Стыд и срам! Как им сочувствовали, как уговаривали не выгонять болезного! Чего натерпелись.

– А если я не смогу на троечку? – осторожно поинтересовалась я.

– Ну так и двоечка хороша. Для всякой уважающей себя болотницы двоечка – лучшая оценка. Деток учить хватит, а с мужем спорить не станет.

На этом и порешили.

Утро выдалось погодистое, теплое и по-летнему ласковое. Даже на нашем угрюмом болоте на травинках повисли капельки росы. Я уже предвкушала, как пройдусь по ним босиком, когда выскочила довольная Жабка, свалила меня с ног и облизала лицо липким языком. «Вот и умылась», – подумалось мне. О том, чтобы пройтись по росе, уже и речи не было. Какая роса после Жабкиных лапок? Опять болото равнять. И почему самая сложная работа достается мне?

Тем не менее болото сегодня обошлось без моего внимания. Вместо этого меня отправили на пруд купаться. Идти куда-то плескаться в грязной болотной воде не хотелось, но раз уж моя новая матушка так настаивает… И потом, не понравится – плескаться не буду. Пусть деревенские плещутся, а я в сторонке посижу. Я же теперь кикимора, мне можно.

Идти до села с корзинкой со сменной одеждой да с едой было неудобно. Привыкшие к рюкзакам поймут. Руки свободны, вес не так чувствуется, бегать легко, идти, опять же, удобно, а тут… Ни на плечо не повесишь, ни пробежишься. И таскать неудобно, то и дело под коленки стукается. Нет, нужен рюкзак. Или хотя бы здешняя разновидность – мешок-заплечник.

В общем, до села идти долго и неприятно. Все так и норовило помочь встрече моего носа с землей. Но мы же вредные? Так им и надо, обойдутся.

Село-грибочек показалось, как обычно, – внезапно. Просто я вышла к кромке леса, а дальше ждал долгий и нудный подъем в гору, где у ворот уже собирались местные барышни, чтобы отправиться купаться. Чуть невдалеке кучковались и местные молодцы, чтобы идти… подсматривать. По крайней мере, у бабушки в деревне так и происходило. Ну, конечно, с поправкой на более свободные нравы. А то углядев, в чем следует купаться, я вспомнила бедных корейцев, которые в воду залазят в одежде, и поняла, что их шорты с майкой – вверх откровенности. Ибо в выданной ночной рубашке до пят с воротничком под горлышко можно разве что пугать прохожих. Тут уж точно никаких противоправных желаний у сильной половины не возникнет. Хотя… это как намокнуть.

Меня здесь явно не ждали. Это первое, что пришло на ум, стоило увидеть резко увеличивающиеся в размерах глаза местных барышень. А я тут при чем? Мне сказали прийти – я и пришла. Данька же послушная, когда это Даньке нужно. Уж лучше купаться, чем с печкой кровь портить или комаров подманивать.

Выбрав девицу поустойчивее (меньше всего глаза выпучивала), я отправилась с ней договариваться и прояснять ситуацию:

– Вы купаться собираетесь?

– Ага, – выдала она.

– Я с вами, – поставила в известность я.

– Ага, – вновь соригинальничала девица.

– Куда идем?

Честно? Я ожидала вновь услышать нечто вроде «ага», но меня удивили.

– Туда, – указала в иную от леса сторону девушка.

– Когда идем? – возрадовалась я.

Контакт можно считать налаженным. Мне ответили целых три слова, и два из них – разные!

– Э…

– Все пришли?

– Ага.

– Так мы идем?

– Ага.

И мы потопали. Честно, в душе поселились сомнения в добром душевном здравии местных барышень. «Ага» – это, конечно, классное слово. Полезное, многофункциональное, но порой так конкретики хочется! Хотя бы на уровне. Там, здесь, уже. А так… Эллочка-людоедочка – ты кладезь лексического запаса могучего великорусского.

Шли недолго, но весело. Я даже расстроилась. Такие славные покатушки пропали! И зачем нужно было прямо по склону идти? Чтобы ухажеров запутать? А они, конечно, запутаются. Если пруд тут единственный в округе, и тропу уже не одно поколение вытоптало. В общем, шли мы порознь с барышнями, но никто не удивился. Все же зеленоволосость – это плюс.

У самого пруда начался стриптиз. Хотя так назвать совершенно неэротичное зрелище язык не поворачивался. Нет, конечно, сарафанчики дамочки снимали элегантно, но вот стоило мне узреть подмышковые заросли или лесостепь на ногах, вся эротика куда-то капитулировала. Ну не привыкла я к волосатым подмышкам. А уж к волосатой спине…

Даже отвернулась под осуждающие взгляды местных красавиц. А я что? Я кикимора. Мне их стандарты красоты не подходят. Совсем не подходят. Где бы тут крем «Вит» достать? Или хотя бы бритву… Ну должен же хоть один эстет попасться? Или здесь модно щеголять лесами?

Судя по учащенному дыханию кустов – модно. Ну и ладно, пусть наслаждаются. А мы не гордые. Мы в тенечке посидим и потом искупнемся, как все уйдут. Или лучше прогуляться?

Поскольку лес за время моего проживания у Ваничны был изучен довольно неплохо, да и пожилая кикимора научила меня «слушать тишину», потеряться я больше не боялась. В крайнем случае, Жабка меня найдет. Я в нее верю. Получше пса сторожевого. Только я на порог, так она уже двери сарая таранит. А если на выгул пустили… То как сегодня: раз! – и лицо отмыть уже сложно.

Поднявшись и отряхнув сарафан, хотя к нему на удивление грязь не цеплялась, я неторопливо пошла гулять в лес. Случайно (выискивая добрый час времени) вышла на дорожку, с которой началась моя здешняя жизнь, нашла брошенную в кустах подушку и решила пройтись по памятному пути, срезая вихляющие петли.

Теперь-то я знала, куда ведет дорога. Ванична рассказала, что там еще одно болото есть. Особое такое болото. Считается, что там кикиморы на кладке сидят. И если потревожит их кто-нибудь, не отпустят они смутьяна, съед… На кладку посадят, а мелкие кикиморы его и съедят. Да, вот так жестоко обращаются кикиморы с теми, кто их на единении с природой поймал. Впрочем, по тому, как посмеивалась Ванична, это все бред первостатейный. Но болото тем не менее существовало здесь очень давно. И именно в нем собирались утопить незадачливого парня. Чем местным насолил залетный кавалер, я предполагала, но спрашивать постеснялась.

Памятные кусты встретили меня одобрительным колыханием веток. Были рады, как и все вокруг, увидеть свою новую кикимору. Как мне объяснили, для леса кикимора – неплохой бонус. Правда, в чем именно заключается бонус, я пока не поняла, но, видимо, он таки был. Иначе от такой невезучей кошмарины, как я, убежали бы все окрестные звери, а кусты научились доставать корни и передвигаться на своих надцати.

Но не будем о плохом.

Внимательно оглядев место недавних разборок, я нашла и выковыряла следующие предметы: пуговицы – три штуки (как на подбор: золотая, серебряная и бронзовая), челюсть вставная металлическая – одна штука,

бижутерия на шею – две штуки, а-ля глобус на цепочке – одна штука. А неплохой клад, однако, сохранило для меня болото! Если здесь еще есть, можно целый бизнес устроить. Продажа потерянных вещей. Докажете, что ваша, – берите бесплатно. Но, чует попа, документов на пуговицы здесь никто не выдает. А значит – все мое.

Аккуратно уложив скарб в корзинку и прикрыв непользованным купальным платьем, я присела на дорожке и принялась кушать. Руки помыла! В болото засунула и подождала. Вода там под всем этим покровом почище, чем в давешнем пруду. Но не для всех. Для кикимор только.

Бутерброды от Ваничны были великолепны. Свежие, ароматные, без грамма химии и прочих ГМО. Да, портился продукт, конечно, быстро. Лучше бы за полдня съесть, а то после… Да, смотреть страшно. Но я же всегда в срок укладываюсь, так что наслаждаемся.

Перекусив, я задумалась, чем заняться в оставшееся время. Вернуться к Ваничне до захода солнца – значило обречь себя на труд во благо болота. Нет, я совсем не против поравнять его немного, но вот колоть дрова?

Ой, тяжко мне, тяжко! Почему здесь еще пилу не придумали? Циркулярную. Или какая там самая лучшая?

В любом случае, возвращение домой до срока отметалось тут же. В село прогуляться? Или в город сходить? Если на телеге, то управляюсь. Вот только вдруг обратно попутки не найду? Да и боязно с незнакомыми людьми ехать. Того и гляди окажутся маньяками. Здесь-то с оповещением совсем грустно.

На небе собирались тучи. Медленно, но верно серел горизонт, не предвещая ничего хорошего заблудившимся на болоте людям. Тяжело вздохнув, я отправилась к Ваничне. Все же крыша лучше, чем мокнуть под открытым небом.

Дождь начался раньше, чем я успела добежать до болота. Крупные капли хлестали по лицу, заставляя часто жмуриться, одежда промокла, превратившись в одно сплошное холодное покрывало. Но во всем нужно искать плюсы, и я нашла. Мои спутанные волосы наконец разгладились и даже распутались, являя собой однородный слой водорослей.

Чтобы попасть к крыльцу, пришлось вброд миновать наше болото. Разуться я, конечно, не додумалась, и теперь выливала воду из лаптей. Вылила и вошла.

На первый взгляд в доме никого не было. Темнота, тишина, и только Жабка в сарае довольно квакает: в самый раз ей погодка.

– Ванична, я вернулась! – громко крикнула я.

Голос эхом пронесся по дому, заставляя вспыхнуть свет. Хм, раньше эти мирно дремавшие под потолком огоньки меня напрочь игнорировали. Передумали? Пожалели меня? Или мебель, которую я в темноте могла сломать? Впрочем, вопрос «почему» меня в этот момент занимал меньше всего. Главное – открыт путь в комнату, где можно переодеться в сухую теплую одежду.

Быстренько пробежав по ступенькам, я вынула из шкафа рубашку, юбку, белье и носки. Переодевшись, вновь почувствовала себя белым человеком. Тепло, сухо и хорошо. Голод пока появлялся только на задворках сознания и меня не беспокоил. Зато вопрос, куда исчезла Ванична, все настойчивее крутился в бедной головушке.

В печке нашлась теплая картошка с грибами, что немного успокоило: если Ванична приготовила ужин заранее, наверняка ее уход был запланированным мероприятием и скоро она вернется. И купаться меня отправляла, чтобы здесь одна не скучала.

Убедившись, что все логично, я потопала на свой любимый чердак. Крыша в доме не протекала, и можно было сполна насладиться шумом капель по ту сторону навеса.

Вскоре стемнело, и пришлось подманивать один из потухших огоньков. Как назло, подлетел чуть зеленоватый. Теперь, реши кто-нибудь посмотреть на хатку, заметил бы зеленое сияние с крыши и убоялся приближаться к дому.

От скрипа двери я вздрогнула, но недовольный, бурчащий под нос голос Ваничны заставил радостно нестись вниз, встречать свою опекуншу. Пожилая кикимора была зла. Я не понимала, что именно ее злит, пока не заглянула за спину и не заметила того самого субтильного типчика, жертву местных молодцев.

– Данька, вода теплая есть? Надо бы натаскать, – быстро распорядилась Ванична, затягивая в дом этого ненормального.

Судя по его виду, он решил искупаться в болоте сегодняшним погожим деньком, но вот с одежкой прогадал.

Надо было раздеться хотя бы до пояса. А то в камзоле, как у рыцарей всяких, да в местные лужи бултыхаться?.. Не ценит он труд прачек, ох, не ценит.

– Ты еще здесь? – прикрикнула на меня Ванична.

Ничего другого, кроме как идти греть воду, не оставалось, и я быстренько спустилась по ступенькам в подвал. Здесь в одной из комнат имелся теплый пруд, из которого кикимора черпала воду для мытья. Да и я частенько носила ведерко-другое раз надцать подряд, пока Ванична не кивала, дескать, достаточно. И если бы для меня! Нет!

Теплую водичку предпочитала Жабка, а на ее купание требовалось ой как много ресурсов. Так что мышцы на руках у меня заметно укрепились. Сейчас же, поскольку я сомневалась, что мыть собираются Жабку, воду следовало носить в купальню. Увы и ах, это место было на первом, надболотном, этаже.

Следующие полчаса оказались совершенно однотипными. Принести ведро, забрать ведро, наполнить ведро, принести ведро… И так полчаса подряд. Впрочем, чего я жалуюсь? Зато кормят бесплатно. И одежкой снабдили. В общем, отрабатываем и не ноем.

Спустя полчаса, когда меня отпустили восвояси, я, разумеется, ушла, чтобы забраться на чердак и оттуда слушать, что же случилось. А вдруг это что-то полезное или, на худой конец, интересное? Да и вообще, любопытно же, что этот тип забыл на болотах в лесу. Даже старостин сынок не додумался бы приходить в дождь. Да он и не пришел, проявив чудеса интеллекта. Или лени. В последнее верилось куда охотнее, чем в наличие мозгов у этого широколобого субъекта.

– Данька, спать иди! – крикнула Ванична, будто знала, что я сижу и слушаю. Хотя дом ее, могла и знать.

А меня-то зачем отсылает? Едой делиться не хочет? Как настоящая Баба-яга? Только без прелюдий в виде фарширования путника? А что, помыл и зажарил. И нет проблем и тревог про «пропеклась ли начиночка».

– Данька, я к кому обращаюсь!

Обращалась Ванична, понятное дело, ко мне. И игнорировать ее, судя по недовольным ноткам в голосе, становилось опасно. Ну и ладно, если наутро типа не будет, а будет пирог с мясом, я с полной уверенностью скажу, из чего он сделан. Так-то.

Громко шурша подошвой тапочек, я ушла к себе и, переодевшись в ночную рубашку, сладко заснула, свернувшись калачиком.

Утро встретило меня радостным кваканьем Жабки, словно нашелся тот ненормальный, что выйдет из дома на болото утром играть с этим хладнокровным переростком. Поднявшись, я переоделась в приличную по здешним меркам и чересчур чопорную одежду (по сравнению с привычными нарядами). В длинную, только чуть короче, чем спальная, рубаху, которую нужно было звать платьем, и штаны, которые под юбкой-то и разглядеть сложно.

Вот в таком приличном виде я спускалась к завтраку. Вдохнула аромат, который завлекательно доносился из печки, и согнулась пополам. Если я что-нибудь понимаю в запахах, то из глубин кухни несло пирогом с мясом. Баба-яга, я тебя нашла?!

– Данечка, ты уже встала?

В дверях показалась Ванична. Было видно, что она только вернулась из леса. В руках держала лукошко, полное незнакомой травы. Вид имела крайне деловитый и, судя по всему, намеревалась отправиться куда-то еще.

– Да, матушка. А вы уже в делах?

– Конечно, милая. Как солнышко проснулось, так и я поднялась. Нечего в доме сидеть. Дай, думаю, травок лекарственных пособираю.

– А наш вчерашний гость? – осторожно поинтересовалась я, уже готовая послушно верить в его внезапное выздоровление и скоростное возвращение домой.

– Так ему лучше стало, – совершенно серьезно ответила Ванична, поставила лукошко на стул у входа и отправилась руки мыть. – Сейчас позавтракаем, и в лавку сходишь. Дядька Михал ярмарку обещал, вот и выберешь себе к дороге одежонки. А то негоже такой красотуле в обносках ходить.

– Негоже, – согласно покивала я, радуясь перспективе обогащения гардероба в соответствии с собственным вкусом.

Сердце грела надежда, что если к учебе кикиморы относились, мягко говоря, наплевательски, то уж выбор моих нарядов тоже спишут на особенности болотного развития.

– Руки мыть – и к столу, – распорядилась Ванична, и я последовала за ней в купальню.

– Тетушка, а я уже выгулял вашу Жабку. Что-нибудь еще сделать?

Какой же звонкий голос у этого типа! Какой-то слишком звонкий для начинки пирога. Признаться, я даже разочаровалась. Такая хорошая теория пропала!

С неудовольствием воззрившись на вошедшего, я быстро потеряла к нему интерес, снова учуяв запах мяса. Ванична в отличие от меня не отвлекалась на всяких-разных и уже вынимала из нутра печи наш завтрак. Большой, румяный, наверняка мягкий и полный вкуснейшей (ага, лучше мяса может быть только мясо!) начинки пирог. Мням!

Я даже облизнулась непроизвольно на все это великолепие. А уж как за столом оказалась – только ноги знают. Сами донесли!

Еще одним плюсом деревенского местожительства было отсутствие правил. Ванична нисколько не возражала, когда я ела пирог руками, без помощи столовых приборов. А вот наш гость, судя по недовольно искривленным губам, еще как возражал.

– Кикимора, – пренебрежительно, но очень тихо бросил он.

Я только фыркнула. Сам-то чем лучше? В луже искупался, грязным и остался. Пусть его отмыли, а про совесть забыли!

Ванична сделала вид, что ничего не замечает, и присоединилась к трапезе. Видно, в уступку гостю сегодня она решила долго мучить пирог приборами и старательно скрипела ножом о тарелку, вызывая у меня нехорошие ассоциации. Нет, наверное, все же Баба-яга. Вот откормит этот суповой набор…

Я оценивающе прошлась взглядом по нашему сотрапезнику, отчего он, конечно же, совершенно случайно подавился.

– Вы так смотрите, будто очень голодны, – заметил он уже менее уверенно и без пренебрежения.

Ага, испугался!

– Не обращайте внимания, Георг, – вклинилась в начавшийся разговор Ванична. – Лучше поведайте, зачем прибыли в село и что заставило вас ходить на болото в такую ужасную погоду?

– Поручение магистра Бродседа, – тяжело вздохнул подневольный исполнитель. – В этом году он рассчитал примерное местоположение великого артефакта прозрения, потерянного некогда самим великим героем Гаваром. Он предположил, что артефакт покоится где-то в здешних болотах и выйдет на поверхность, если устроить ливень. – Ванична недобро прищурилась. – Это его рук дело, не моих, – поспешил оправдаться парень. – Я вообще младший преподаватель. Мне не под силу такое устроить.

– Не под силу? – внезапно рассвирепела Ванична. – А кто мне всех лягушек распугал своими огненными шариками? Кто слизняков в зародыше передавил? Это кто натворил? Бродсед ваш?

– Я не думал, что так получится, – отвел глаза этот негодяй.

– Не думал он, не думал. Все вы не думаете, а нам потом болотный баланс восстанавливай. Мне ж теперь в сам Семиречинск за новыми лягушками отбывать. А кто за дочкой-то присмотрит? Кто по лавкам с ней пойдет?

Судя по обреченному виду молодого мага, он понял, куда клонит Ванична.

Кикимора вытянула из-за пояса кулон, похожий на мою недавнюю находку-висюльку:

– Поможешь дочке по хозяйству – получишь свою подвеску. Данька, сама не шали. И этому злыдню не давай. А то не разгребем мы последствия его деятельности. Все поняла?

Я согласно кивнула. Что тут непонятного? У меня теперь личный надзиратель и носильщик в одном лице появился. Не справится – не видать ему побрякушки. А его полезность целиком и полностью определяется мной. Все честно, вы не находите?

Маг, конечно, был совершенно иного мнения. Хмуро взглянул на меня, заметил предвкушение на моем лице, которое я даже не пыталась скрыть, и протяжно вздохнул. Наверное, мысленно уже прощался со своей висюлькой. Впрочем, это не наша забота.

А Ванична между тем продолжала:

– Отлично, детишки. Сейчас поедите – и на ярмарку. Данька, чтобы накупила приличных нарядов! Не желаю видеть на тебе одежку моей юности. Деньги дам. И еще. Когда вернетесь, не удивляйся, если меня не застанешь, – обращаясь уже только ко мне, ласково сказала кикимора. – До Семиречинска идти долго. Коль дела пораньше закончу, так и выйду. – И магу: – Обидишь Даньку – в луже утопнешь.

Судя по сбледнувшему с лица парню, проклятие было весомое. Это только мне утопление в луже казалось невозможным чисто физически, хотя… лужи тоже разные бывают. Та, к примеру, что у дома была, вечно велосипедистов роняла. Ехали они, ехали, волны пускали… А тут бах! – и в асфальте дырка, как раз для колеса. Попал – и бултых в грязную воду. Видимо, здесь лужи такие же, если утонуть не проблема.

Пирог как-то совершенно незаметно кончился, заставив меня усомниться в обычности желудка нашего подневольного гостя. Не иначе поколдовал кто! Это же надо умудриться пол мясного пирога за раз умять и голодными глазами на мой кусок смотреть! А не дам, самой нужно. Пусть идет к Жабке выпрашивает. Авось ей корочка перепадет.

Жабка как будто услышала мои мысли и потерлась об угол дома, отчего его изрядно тряхнуло. Нет, такая не отдаст своего. Вцепится и всеми лапами отбиваться будет. Настоящая леди. Уверенная и идущая к цели. А что зеленая… так нет среди нас идеальных.

Заслышав приближение Жабки, маг заметно приуныл. Он уже имел честь познакомиться с особенностями ее воспитания, а точнее – полным отсутствием оного и вряд ли питал надежды договориться. А предложить что-то более привлекательное для зеленой аристократки не мог. Не было у него ничего нужного этой милейшей пупырчатой особе. Признаться, даже жалко его стало. Но не настолько, чтобы уступить огрызок пирога. Нет уж, мой желудок в гневе страшнее. А маг… перетерпит.

Когда на моей тарелке не осталось даже крошек, Ванична довольно усмехнулась и отправила меня переодеваться. Для выходов у нас был предписан сарафан, и именно его мне надлежало напялить.

Мага явление зеленоволосой красы в моем лице не впечатлило. Не знаю, чего он ожидал, но даже обидно стало. Нет, я, конечно, не эталон сарафанной моды, но так разочарованно оглядывать мои бедные метр шестьдесят пять… Он нажил себе злейшего врага, не сказав ни слова. Профи.

Хотя… Можно и ему отомстить.

– Господин Георг, – он даже приосанился, – а вы не поможете мне с выбором одежды? Понимаете, я долго жила в болотном городе и совсем отстала от моды. Вы наверняка больше моего понимаете в современных тенденциях. И потому как специалист могли бы прояснить один маленький нюанс: дырявые носки – новый тренд? Мне стоит запастись парочкой, пока их не раскупили?

По тому, как позеленело от негодования лицо Георга, я поняла, что шпилька попала в самую цель. В его уязвленное самолюбие и болезненный пиетет перед этикетом. Все же дырки в носках и в нашем прогрессивном обществе, где драные джинсы норма, а всякие выемки с вкраплением металла в тело и вовсе мода, не принято выставлять напоказ.

– Господин, с вами все в порядке?

Я не утерпела: подошла и потыкала пальчиком этого маскирующегося под Жабку субъекта. Хм, а неплохо так замаскировался. Почти и не отличишь. Такой же злобный и с выпученными глазами. И вовсе я не больно! Подумаешь, в солнечное сплетение. Пресс тренировать нужно.

– Данька, а чего это с ним? – поинтересовалась спускающаяся с лестницы Ванична.

В руках она держала тканевую сумку, в которой хорошо так позвякивало.

– Отравился, видимо. Мало ли каким бутербродом вчера перекусил? Вот сегодня и проявилось.

– Хм, – задумалась старшая кикимора. – Подождите, я сейчас ему настоечки налью, чтоб без проблем поход пережил. А потом ты его сама полечишь. Я инструкцию оставлю.

Быстро передав сумку и не забыв перевесить висюльку мага мне на шею, Ванична с небывалой прытью бросилась в наше подболотье. Оценив на глазок скорость, я присвистнула: судя по всему, ждет нашего скорчившегося гостя нечто настолько малоприятное, что добрейшая кикимора до сих пор ни на ком это зелье не испробовала. Но вот оставить без помощи по-настоящему нуждающегося… Он же потерпит? Ради его же блага мучают.

Вернулась Ванична и правда со склянкой какой-то темной жидкости, которую опасливо держала в вытянутой руке.

– Юноша, выйдемте на улицу. В доме я не рискну это открывать.

По перекошенной физиономии парня стало понятно, что он обладает зачатками интеллекта и ничего хорошего от этой скляночки не ждет. Раньше думать следовало! Обидел кикимору – полезай в болото!

Подбадриваемый моим едва сдерживаемым смехом и покровительственными заверениями Ваничны, дескать, все будет хорошо, бедный маг вышел на наше болотце. Мне, конечно, хотелось посмотреть на укрощение строптивых, но кикимора заявила:

– Лечение – процесс интимный.

И захлопнула перед носом дверь.

Ха, как будто гордость – наш порок, а чердак – зазорное место! Там и видимость получше, и слышимость, да и баррикадироваться проще.

Не успела! Нет, ну как можно заставить этого противного мага выпить зелье быстрее, чем я на чердак залезла? Это же ни в какие ворота! Я в нем разочарована. Как он мог так легко сдаться? Никакой гордости нет? Или поизмываться над моим бедным детским любопытством посмел? Вот я его…

Придумать, что же именно я сделаю, не успела. Пришлось быстренько слазить и делать вид, что как хорошая кикимора сидела у двери и ждала, когда мне позволят уже пойти в село за побрякушками. Впрочем, по ироничной усмешке Ваничны я поняла, что она в курсе, куда первым делом направились мои стопы, стоило ей закрыть дверь. А уж после ее тихого: «Паутина в волосах» и вовсе было глупо гордиться навыками слежки.

Но тем не менее гордой косолапой поступью мы наконец отправились в село. Тропинки за время ливня изрядно залило, и теперь идти по ним означало играть в вечную игру с мирозданием: повезет – не повезет.

– Вот же ж… Болото!

«Не повезло», – меланхолично отметила я, даже не оборачиваясь.

Судя по доносившимся ругательствам, Георг был цел и практически невредим. Разве что его гордость теперь медленно обтекала, как и одежда. Да уж, стирать сам будет. Стану я еще из-за него ручки мочить! И эта жижа… Нет. Мерзость. Пусть сам глину оттирает.

Идти в село в таком пятнающем репутацию виде маг отказался. Топать в деревню без личного гужевого транспорта отказалась уже я. Он скрипнул зубами, я сверкнула глазами… В общем, пришли к полному взаимопониманию.

В селе я появилась первой, гордо прошествовала через ворота и, миновав городскую площадь, остановилась перед первым ярмарочным шатром. Всего их поставили пять, и, судя по ажиотажу, это было много.

Решив, что у мага есть познания в поисках девиц (хотя бы при помощи магии!), я шагнула в первый шатер, чтобы оказаться в царстве обуви великолепной выделки. Хотела бы я так сказать. Но, увы, вместо товарного раздолья здесь обитал один седеющий старичок, три модели сапог, две – калош и одна – туфель. Да уж, ярмарка решила поразить меня с первых минут.

Про то, что клиент всегда прав, старичок, конечно, не слышал, но вот что клиент всегда глуп и нерешителен, почтенный дядечка ведал еще со времен своей лихой молодости. А потому стоило переступить порог, и убраться без скандала уже не представлялось возможности.

Меня тут же сцапали за руку и, не чураясь ни зелени на голове, ни неприкрытого раздражения на лице, принялись водить по импровизированному выставочному залу, расхваливая свой небогатый, зато ручной работы (ага, как будто тут другая имелась) ассортимент. Оставалось только кивать.

– Но у меня совсем нет денег. Не хватит, чтобы оплатить ваш уникальный товар, – воззвала к здравому смыслу торговца я.

– Ничего, деточка. Я тебе скидку сделаю, а ты потом мне еще кого-нибудь приведешь, – не сдавался дедок.

Я заметно приуныла и едва не пропустила векового свершения: к нам заглянула следующая жертва торговца. Быстро отцепив его от собственной конечности, я бросилась наутек, заверяя растерявшегося покупателя, что здесь все самое

лучшее и совсем дешево. Да, подло. Да, стыдно. Но жить-то всем хочется… Надеюсь, икаться мне будет недолго.

Следующий шатер стал настоящим шоком. Здесь не то что яблоку упасть негде было, здесь иголку потерять не получилось бы: застряла в чьих-нибудь рыхлых телесах. Хотя этого события никто и не заметил бы.

Вот где ассортимент поразил бы даже самого предвзятого любителя арабской экзотики. Увы, что синяя, что желтая, паранджа меня не привлекала. Да и в крапинку тоже, хотя ее пытались всунуть. На выход… на выпихе.

Ух, если и три последних шатерка меня так же порадуют, можно смело записываться в аскеты, ибо если это модно и эстетично, то быть мне навеки страхолюдиной болотной. Передохнув и кое-как восстановив душевное равновесие, я заприметила третий, на вид менее посещаемый, чем второй, но более многолюдный, нежели первый, шатер.

Аккуратно, готовясь слинять по-тихому, я заглянула за шторку и едва не сплясала танец радостного индейца. Здесь была одежда! Настоящая, без извращений, без кучи стразиков и прорезей для глаз. Одежда! Именно она.

Радостно ввалившись в шатер, я едва не налетела на какого-то мужчину, но, вовремя сменив курс… врезалась в другого. В шатре установилась тишина. Если, конечно, исключить фоновые звуки ярмарки. Кажется, я опять пришла не совсем туда, куда следовало…

– Простите, вы не могли бы меня отпустить? – вежливо попросила я того, кто остановил мой стремительный полет. – Очень уж на ножки хочется.

Мужчина усмехнулся, отчего у него на щеках появились ямочки. Очаровательные, наверное, будь ситуация несколько иной.

– Если леди желает, – сказал этот образчик местного плейбоя, но на ноги меня так и не поставил, продолжая прижимать к своей широкой и вкусно пахнущей груди.

– Желает, – повторила я и зло прищурилась, заметив, как загораются самодовольством глаза сего самца. – Очень желает встать на ножки. Не могли бы вы мне в этом поспособствовать, а то так в уголок хочется, что прямо неудержимо?

Мужчина усмехнулся, но не отпустил, только одна из рук сместилась с поясницы на попу. Вот уж чего захотел! Локоть в живот и… ой, ты ж блин… Пресс у него – будь здоров! Как об стену саданула…

– Госпоже неудобно? – дошло наконец до этого качка.

И он – о чудо! – поставил меня на ноги, но продолжил удерживать за запястье.

– Да! – разозлилась я.

Кое-как выдернула многострадальную руку из его пальцев и с раздражением обвела взглядом всех собравшихся.

А собрались здесь одни мужчины. И что они забыли в женской одежде? Под их внимательными взглядами и многозначительными ухмылками я медленно прошлась мимо развала с брюками, пытаясь найти самый маленький размер. Увы, до стандартных размеров здесь еще не додумались, а вводить в моду привычные размеры среди глюков – нет уж, на костер мы не хотим! – было откровенно лениво. А потому пришлось рыться, ругаясь под нос под аккомпанемент тишины. В какой-то момент ее вдруг нарушили пришедшие с улицы, но их быстро утихомирили. Сервис!

Наконец кое-что, что подходило мне хотя бы по росту, было найдено и даже приложено к ноге. Вроде в самый раз, если не учитывать талию, но здесь ремень нам товарищ!

– Уважаемый, а где примерить?

Самый недоедавший в детстве из мужчин махнул куда-то в глубь шатра, где за ширмами копошилась женщина лет тридцати с рассеченным глазом. Она с интересом взглянула на меня, хмыкнула при виде зеленой шевелюры и задернула шторки, лишая всех небывалого зрелища «кикимора переодевается».

– Местная? – поинтересовалась женщина осторожно, помогая снять сарафан.

– Угу, – ответила я, разглядывая выбранные брюки. Эх, не джинсы, конечно, но что поделать. Там подвернуть, здесь ушить.

– В воительницы надумала? – продолжала расспрашивать женщина.

– Неа, – отрицательно покачала головой, снимая свои вездеходные калоши.

– А что тогда здесь делаешь? – не поняла собеседница.

– Одежду выбираю. Если бы еще размерчик был поменьше, – недовольно откликнулась я, вползая в брюки и пытаясь найти застежку.

– Это мужские… – начала было женщина.

– Ничего. Мужские – даже лучше. Не так облегают. А то меня тут за попрание морали сожгут, – поделилась наблюдениями я. – А ремня нет?

Ремень нашелся быстро, стоило визави протянуть руку за ширму. У, догадливые, хвалю! Подпоясавшись и заправив брюки в калоши, я вышла покрасоваться. Зрители оценили, одобрительно распахнув зенки. Кто-то даже у виска покрутил. Хм, обычно у нас это не жест восхищения, но кто этих поймет?

Понять аборигенов мне не позволили, втянув за ширму вновь.

– Куда? – выдохнула женщина. – Это же неприлично!

– То есть?

Моему удивлению не было предела, и даже ее палец, указывающий на мои верхние девяност… восемьдесят шесть, скажем правду, мало помог.

– Рубашка!

И только тут до меня дошло, что прогулялась я к несуществующему зеркалу в нижней рубашке, доходившей до середины бедра и вполне себе целомудренной. У нас. А вот что местные подумали… Мне стало жарковато, и желания выглядывать из-за ширмы поубавилось.

– А они скоро уйдут?

– Нет. Ты же сказала Саю, что в «Уголок» хочешь. А он не скряга. Если приглянулась, будет тебе «Уголок». А ты ему приглянулась.

– С чего вы взяли?

Женщина усмехнулась и, выглянув, объяснила:

– Так там только наемники Сая и остались. Никому войти не дают, чтобы ты спокойно выбирала. Ты, детка, лучше побольше бери. Сай – он обеспеченный. Коль понравилась, подарит с короб. И нам с Грегом доход. Раньше-то по дорогам ходили, а теперь, как в передрягу попали, так все. Кончилось наше странствие вольными наемниками.

– Печально, – только и смогла выдавить я. – А он отходчивый, этот Сай? – зачем-то решила уточнить.

– Конечно, отходчивый. Ты не думай. Он сам не убивает, он в сторонку отходит. Так что тебя кровью точно не заляпает. Не переживай, он же настоящий мужчина, от всего закроет…

– …и ключ выбросит, – закончила мысль я.

– И в обиду не даст, – неодобрительно сказала женщина.

Угу, знаем мы таких… Тикать надо, тикать, пока возможность есть. Или ее уже нет? Я выглянула из-за ширмы и чуть не подавилась, завидев, как одобрительно улыбается этот Сай. Да уж, попадалово. Неужели ему кикиморы нравятся?

– Госпожа…

– Гата, – подсказала женщина, усаживаясь на стульчик, который вообще-то для посетителей предназначался.

– А ничего, что я несколько не людской наружности? – решила проявить дипломатию по отношению к себе я.

Все же обзывать себя страхолюдиной болотной не хотелось. Да и страхолюдности, кроме вороньего гнезда на голове, не наблюдалось…

– Так даже лучше. Для наемника жена – чем страшнее, тем важна. Все же знают: коль мегера дома, так на подвиги рвется воин. Да и сам Сай не совсем чистой крови. Там, говорят, великаны отметились. Карликовые.

– Я плохая жена, – честно предупредила я зачем-то. – Готовить не умею, стираю погано, шью крестиком и вышиваю бантиком. Да и вообще, тиной болотной все углы в доме замажу, пауков насобираю. А в сарай жабу посажу.

– И это – плохая? – неподдельно удивилась Гата.

А мне захотелось о стену головой удариться. Если ЭТО хорошая, то плохая какая?

– Все равно замуж не пойду, – предупредила я.

– И не надо, – заверила женщина и крикнула: – Сай, невеста готова, похищай! «Уголок» уже открыться должен, сейчас вас распишут. И за товарами приходи! Как женатому – со скидкой отдадим!

И эта предательница распахнула занавески.

Я всегда думала, что умею быстро бегать. Всегда уносила ноги прежде, чем мальчишки успевали подумать и рвануть за мной. Но нет, я ошибалась. Раньше я бегать не умела… Вот сейчас!

Протаранив насквозь шатер, выскочив на улицу, я за считаные секунды добралась до дома старосты и снесла дверь. Староста принимал гостей…

Не знаю, кем они были по национальности, но при виде меня резко сменили прописку на «Мир анимешности, няшности и большеглазости». Увы, мне было не до тонкой организации их душ. Самое ценное и интуитивно подкованное место направляло мои ноги наверх, на чердак, к свободной пыли и мерзким насекомым… Упс, лучше без последних. Я пока только комаров любить научилась, об остальном речи не шло.

Не зря Сай был командиром. Нюха и скорости не занимать. В дом ворвался через минуту после меня, распознав место моего укрытия.

– Где она? – зло рыкнул он.

У меня даже на чердаке коленки затряслись и подломились. Ага-ага.

– Уважаемый, о ком вы речь ведете? – начал взывать к разуму староста. – Кто – она? И с чего вы решили, что ваша незнакомка здесь?

– Я видел, – уже тише, но балки все равно тряслись, проговорил Сай и шумно (я даже с чердака услышала) втянул воздух. – Нашел! – довольно протянул он и собрался подниматься по лестнице (первая ступенька пронзительно заверещала!), когда был остановлен массированной атакой старостиной дочки, решившей спуститься к завтраку.

Гром гремел, деревья гнулись, стыла кровь в лихих сердцах, девка к мамке обернулась… Ой, заткните вы ее! Даже мне через дерево перекрытий был слышен этот рев. С чего это она так разошлась?

Я слегка высунулась в смотровое окошко, чтобы посмотреть.

И ничего особенного! Подумаешь, стоит здоровенный мужчина. Застыл, едва такую красоту, как старостина дочка, увидел. Слова молвить не может, все пальцем показывает и челюсть от восхищения клац-клац на пол. Хух, неужели пронесло? Если еще и Марьку замуж выдадут – вообще прелесть. Староста радостный будет, может, сына надоумит не петь под окнами. Эх, мечты…

А между тем события развивались. Выдержав первую звуковую атаку, Сай немножко пришел в себя и тут же был атакован следующей чередой атак:

визуальной (Марька спускалась по лестнице, демонстрируя кровь с молоком и полную, как и должна быть у каждой уважающей себя селянки, грудь), тактильной (не успел, бедный, с пути Марькиного убраться!), обонятельной (новый популярный бренд «Задорная селянка» по силе воздействия сравним разве что с коровьим стойлом).

– Прекраснейшая! – выдохнул очарованный Сай, утратив в один миг возможность и думать, и нюхать, и вообще нормально соображать.

Хотя если это и есть идеал жены наемника, то совет им да любовь. Но свечку держать не буду. Тяжело и неудобно!

– Отвали – всю дорогу перегородил! – рыкнула недовольная Марька, углядела папеньку с гостями и расцвела. – Ой, а вы уже приехали? Как добрались?

Слыша резкие перемены в голосе старостиной дочки, я поняла, что бедному Саю на этом празднике жизни ничего не светит. А он, бедняга, так старался, так бежал… Но с чердака все равно не слезу, пока не уйдет.

Он ушел быстро. Понурившись и потеряв веру в людей. Отвергнутый и всеми покинутый, отправился к своим под громкие проводы Марьки, наградившей его подзатыльником за порчу бедных цветочков, на которые я случайно наступила. Герой не отчаивался, он даже обернулся, надеясь получить хотя бы воздушный поцелуй. Но обрел большее – прекрасный, гибкий и очень ценный веник вылетел ему вслед и был пойман и прижат к груди, как букетик невесты. Нет, на это серьезно невозможно смотреть. Еще немножко – и выпаду из смотрового окошка!

Тяжело вздохнув – как жизнь несправедлива! – я проигнорировала совесть, напомнившую, что вообще-то Сай погнался за мной и был бы счастлив, не встреть Марьку, и тихонечко, на весь дом скрипя ступеньками, спустилась к старосте.

Добрый дяденька был так рад меня видеть, что даже выделил стул («Чтобы сидела и ничего не утворила, бестолочь!» – зло сказал он), за что я решила извинить некоторую его эмоциональность.

В момент эпического вторжения, как подсказывала моя память и недовольные взгляды незнакомцев, у старосты были гости. Интересные такие типы. Мрачные, со злющими глазами, вспыхивающими алым сатанинским пламенем, острыми зубами в необъятно широких челюстях… Да. Хорош врать, все равно никто не поверит.

Возвращаясь к действительности: это были четверо мужчин, преимущественно молодых и темноволосых, которые с удовольствием, продиктованным этикетом, вкушали чай старостихи с ее же изюмно-творожными булочками и вот уже который час слушали про достоинства Марьки. О времени я судила по степени позеленения лиц, ибо ничем другим закаленные воины не выдавали желания сбежать с поля брани. То есть поля семейных отношений.

На меня они посмотрели с интересом, но тайным. Смотреть с прямым интересом при старостихе, обладавшей как минимум снайперским прицелом вместо зрения, было чревато. А уж если их зачислили (а их зачислили!) в контингент возможных половинок Марьки, то и вовсе опасно для последующих поколений.

– Вы не представите нам вашу гостью? – решил рискнуть и познакомиться самый смелый. Или самый глупый.

Старостиха тихо, чтобы все прочувствовали важность момента, оторвалась от печи и посмотрела на меня. Мгновение – и взгляд ее подобрел. Видно, в мамочкиных глазах я не могла составить конкуренцию распрекрасной дочурке, а значит…

– Так это Данька-кикимора, – с пренебрежением бросила она.

Вы думаете, я обиделась? Ни капли! Если меня везде так кормить будут… У-у-у, вкусный пирожок с картошкой, ползи ко мне, там тебя твои товарищи заждались…

– Леди… Данька? – переспросил второй темноволосый, вызывая нехорошие мысли, что они интеллектуальные близнецы и каждый будет говорить по одному предложению. А после замолкать, передавая право разговора другому. Прям гоукон какой-то…

– Леди, – кивнула я.

Причисление к сим нежным цветочкам, какими представлялись мне прежние леди, льстило. И оскорбляло. Ибо леди мало чему учили (еще и торговали ими, как на базаре) их отцы, дядья и прочие братья-акробаты, выдавая за того, кому должны, в карты продули или кто заплатил поболе. Фи, каменный век, мне не подходит.

– Леди Данька – кикимора?

Вот что я говорила? Третий и спросил. Ну точно: разделение обязанностей.

– Угу, болотная. Комариная богиня в бикини, что в кустах заседает и грибы собирает.

И почти не соврала!

– Как интересно…

Четвертый был немногословен. Вероятно, я бы продолжила продуктивную беседу, если бы в дом не влетел злой как черт Георг в одном полотенце на бедрах.

– Что это такое? – возопила старостиха.

– Кто это такой? – облизнулась старостина дочка.

– Ты что здесь забыл? – подбоченился староста, хватая швабру, доселе мирно подпиравшую дверь.

– Георг?

Опа, кто-то из темноволосых опознал типа.

Я с интересом вылупилась на мужчину и поинтересовалась:

– Тоже успел достать? – Мужчина не ответил, но усмехнулся уголками губ и поднялся с места. – Думаю, произошло недоразумение. Георг, ступайте домой и

переоденьтесь.

– Да, магистр, – поник парень и выскочил из дома.

Обо мне он забыл. Непорядок.

Наскоро утащив два пирожка, я бодро припустила за начинающим стриптизером. И где только одежду растерял?

Глава 3

Каконаступательная

Покорить Академию легко, а вот отстроить гораздо сложнее!

В забеге за Георгом я впервые поняла, что лучшая мотивация для мужчины – это спешащая за ним кикимора. Именно она заставляет его сердце биться быстрее. Кровь приливает к ногам, в голове проясняется, и мужчина бежит, окрыленный любовью и почтением, пока, не обернувшись, чтобы оценить расстояние до любимой, не спотыкается о камень и с грацией настоящей балерины, теряя полотенце, не падает в кусты.

Я остановилась на середине пути, заметив этот самый знак капитуляции прямо посреди тропы. Поднимать его брезгливость не позволила. Разве что палкой, которую следовало аккуратно придерживать двумя пальцами, чтобы ну вот совсем никто не усомнился, какое сие неблагодарное занятие.

– Эй, стриптизер-неудачник? – окликнула мага.

Молодой человек решил хранить гордое молчание.

Интересно, а в кустах есть лопухи? Если есть, можно смело выбрасывать полотенце. Народные методы – они же того, полезнее! Единство с природой же, единение с духами предков, кормление комаров на свежем воздухе… Эх, где

мой сачок, накормил бы на пирог Жабке! А тут… Ох уж эти самовлюбленные самцы, никакой заботы! Только о себе и думают!

Кусты тем временем начали сотрясаться.

– Эй, ты там скоро? Учти, если в ход пошла газовая атака, то я тебя не знаю, уж не обессудь, – честно предупредила я и отошла от кустов.

Да, интересный момент. Кусты вдоль дорожки были довольно редким явлением, так что Георг, можно сказать, везунчик.

– А-а-а…

Из кустов начали доноситься стоны, а в мою зеленую головку принялись закрадываться здравые мысли, что некоторые могут использовать их еще и в других целях. Хм, и когда только Георг успел свидание назначить? С другой стороны, если кикимора – столь страшное явление, даже потеря стратегического прикрытия тылов могла восприниматься как незначительная и быть признанна недостаточно веской причиной для остановки. В таком случае… Да, пойду-ка я домой, в родное болото.

«Люблю грозу в начале мая, когда весенний первый гром…» – думала я, подступая к дому. Грязь так и не просохла: все же болото мало располагало к таким подаркам судьбы, а потому мою бедную одежду придется стирать весьма старательно.

Грустно разувшись на пороге и связав подол на уровне колен, я зашла в дом. «И скучно, и грустно, и некому руку подать…» Судя по царившей тишине и безуютности, Ванична уже успела уйти в далекий Семиречинск.

Вздохнув, я прошлепала в подвал. Еще воды натягать надо да помыться. А все маг… Зло скрипнула зубами, но вспомнила, что это вредно для эмали, и решила повременить с дальнейшим скрипом. Обойдется, буду еще из-за него страдать.

Долго страдать и не пришлось. Раздался вежливый стук в дверь. Я ждала, как кто-то войдет, но желающие так и остались за порогом. Даже удивительно. Честно, не думала, что Георг способен на проявление такта. Тем не менее за

проснувшийся не вовремя такт очень хотелось отомстить. Думаете, зря? А вот и нет.

Стирать в холодной воде с помощью мыла и доисторического девайса а-ля терка, вылив на себя воды и мыла больше, чем на пострадавший сарафан… Явление мокрой меня в дверях поистине вызвало фурор. Даже лопухи мигом встрепенулись и вернули себе первоначальный видок. От страха, не иначе.

На пороге, переминаясь с ноги на ногу, стоял Георг, прикрываясь (как я угадала!) лопухами. За его спиной с удивлением и насмешкой (как такое вообще возможно?) высился давешний темноволосый в количестве одна штука на одно болото. Куда подевались три его копии – история умалчивает даже после ласковых пинков любителя лопухов.

– Леди… – начал темноволосый, с интересом косясь на мое промокшее платье.

А я что? Я ничего. Пусть косится. Не мое – не жалко. Подумаешь, третий размер? Так не пятый же. А глюки и такое утворить могли. Вон у Ваничны вообще шестой, и ничего.

Молчание затягивалось. Я даже, чего уж там, тоже вниз взглянула, но нового ничего не нашла. Странные они. Кикимор, что ли, не видели?

Но стоять надоело. Опять же – ветер, холод, простуда не дремлет… С чувством собственной правоты я закрыла дверь и побрела продолжать издеваться над собой и сарафаном, когда в дверь опять постучали.

– Леди…

Начало было таким же и исходило от того же темноволосого. Совсем не оригинально. Георг жался перед ним и отводил глаза, словно чувствовал свою вину. Да и вообще оказался не в своей тарелке.

– И?

Манеры у меня совсем не как у леди, но и мужчинам было далеко до лордов.

– Не могли бы вы пригласить нас войти?

– Нет, – покачала головой я. – Мама запрещает всяких неказистых в ее отсутствие пускать.

Георг аж подавился. Не согласен, что неказист? Я демонстративно воззрилась на лопухи и чуть приподняла бровь.

– Леди… – Опять он за свое! Я недовольно глянула на спутника Георга. То, что я сегодня бегала аки подстреленная, еще не дает ему права стоять у меня на пороге и издеваться! – Не могли бы вы приютить бедных путников за весьма хорошую сумму?

– Насколько хорошую?

А что? За спрос денег не берут. Узнаю и выгоню. Темноволосого. Георга все же жаль. Да и Ванична ему пригрозила.

– Очень хорошую, – с намеком произнес незнакомец.

– А в денежном эквиваленте? – отказалась понимать намеки я.

– Сто золотых, – сделал ставку он.

– За ночь.

Мужчина прищурился, в глазах бушевало пламя. Еще бы! Столько стоил меч. Хороший такой, добротный меч из гномьей стали.

– А не кажется ли вам, что вы несколько переоцениваете обслуживание?

– Разве что недооцениваю, – делано всплакнула я. – Это же экотуризм. Возможность самому поработать на болоте, ощутить себя полноправным членом пищевой – то есть болотной – цепочки. – И с пафосом, пытаясь не заржать: – Почувствуйте себя королем болота! Ощутите все прелести болотной жизни! Прогулки под луной, массаж ног лучшими микроорганизмами, маски для лица, незабываемое катание на жабах. Все это и многое другое – только у нас! – И с

обидой: – А вы – всего сто золотых! Да за сто золотых вам даже на пороге стоять нельзя! Вы же мне микроклимат болота портите.

Темноволосый был недоволен. Ох, как недоволен. Елей на мой злой язык.

– Леди, – сквозь зубы выдавил он, – в ваших интересах меня пустить.

– То есть сами войти вы не можете? – сделала вывод я.

Интересно получается… Дверь открыта, входи – не хочу, а они мнутся на пороге, как будто только мое позволение может впустить их в дом.

– Нет, – прошипел темноволосый, словно я издеваюсь.

А я же… Я не издеваюсь. Почти. Но вот именно про дверь – не издеваюсь ни капельки. Я ведь не знала. Вот честно. Думала – заходи-бери, что приглянулось. Еще удивлялась, почему Ванична дверь вообще не закрывает и не боится, что украдут что-то.

– Георг, шагай в дом и прикройся, – разрешила я магу.

Хотя утром он сам спокойно проходил. Или ждет, пока я позволю его спутнику?

Так и есть. Остался на месте.

– Господин, вы что-то еще хотели?

Как темноволосого от «господина» передернуло!

– Да. Я бы хотел снять у вас комнату.

– Сто золотых за ночь и клятва о непричинении вреда мне. За порчу имущества доплата по пятьдесят золотых за каждый испорченный предмет. Согласны?

Я была сама любезность. Даже улыбку во все тридцать два изобразила. Ага, во все тридцать два кикиморины клыка. Георгу понравилось: сглотнул аж.

– Идет, – с неудовольствием подчинился мужчина. – Я, Альтар Райген, клянусь ни делом, ни бездействием не причинять вреда давшей мне кров на время пребывания в ее доме.

Нет, юридически дом принадлежал не мне, но, судя по сумасшедшим глазам Георга, пообещал темноволосый правильно. Что ж, встретим хлебом-солью. Заодно и печь растопят.

– В таком случае приглашаю вас в дом, но здесь действует правило «обслужи себя сам». Все же экотуризм. Хотите тепла – растопите печь. Хотите кушать – пойдите и приготовьте.

– А за что тогда леди желает получать деньги?

– За жилплощадь. Это единственный дом на болоте. Строение уникальное, архитектурная ценность, дизайн от лучших болотных мастеров, и все предметы – ручной работы!

А пафоса, пафоса-то сколько! Нет, сто золотых – мало. Продешевила Данька, надо было двести брать. Заодно обучение себе оплатишь в КАКе. Платное, оно ж для кикиморы совсем не зазорно! А даже почет!

– Ясно.

Судя по всему, Альтар понял, что лучше ничего не спрашивать, иначе все станет еще хуже. Ну и ладно. Не хочет – не надо. Мы и молчать умеем результативно. Вот не скажу я им, какая ступенька мокрая, а какая в темноте любит скрипеть, и ка-а-а-ак навернется маг с испуга! Мечты, мечты… И чего это он так снисходительно на меня смотрит? Мысли читает?

Темноволосый покровительственно кивнул. У-у-у, нехороший, отомщу я ему. Вот как есть отомщу! Будет он мои подлые мыслишки в отношении себя видеть. Стыдно-то каа-ак. Хотя сам виноват. Нечего подглядывать! Я его об этом не просила, так что… Это сказанное можно использовать против кого-то, а подуманное… Веселье начинается!

Весело и фальшиво (слуха нет!) посвистывая, я отправилась к себе, гордо ткнув магу пальчиком в его временную комнату. О каких-либо удобствах речи не шло: койко-место. Остальное – если сам отыщет. А если не то возьмет или испортит – мне уже его жалко.

Но почему-то на душе больше не было так весело. Наверно, не ожидала, что он согласится. А теперь, если Ванична вернется раньше, ловлей комаров не отделаюсь. Но что сделано – то сделано. Вздохнуть поглубже, и завтра будет новый день.

Новый день начался неожиданно привычно. Так часто бывает, если живешь в квартире, а звукоизоляция оставляет желать лучшего. Хлопнула дверь, скрипнула половица, чей-то приятный голос огласил окрестности, намекая, что пора вставать.

Я сладко потянулась, не открывая глаз, и снова упала на кровать. Ну кто же добровольно встанет в такую рань? Да еще за бесплатно… Нос поймал приятный аромат яичницы с беконом. Аргумент.

Яичница с беконом?! Тело село прежде, чем мозг успел проснуться. Но одна общая мысль мгновенно появилась у всего моего организма: Ванична вернулась! Кто еще приготовит завтрак, испускающий такие ароматы? Маги? Признаться, в их кулинарные способности я не верила. А значит, дело пахнет жареным! Бекончик…

Желудок некстати напомнил о себе.

Одевалась быстро. Такого рекордно скоростного подъема за время моего пребывания в стране Глюкландии еще не случалось. Стянуть пижаму, напялить платье, попасть в тапочки – и на кухню. В надежде, что Ванична еще не убила гостей. Никаких других вариантов я не рассматривала. Интересно, это из-за Георга я теперь не верю в магов?

Когда, взбудораженная, я появилась на кухне, маги завтракали. Георг непонимающе уставился на меня, Альтар же усмехнулся и поднялся с места, чтобы… Я его обожаю. Он и на меня приготовил!

– Уже проснулись?

Он многозначительно кивнул на окно. Там едва-едва загорался рассвет. Вот блин, вскочила ни свет ни заря!

– Вы слишком громко себя вели, – недовольно попеняла я, придвигая завтрак.

Если так подумать, продукты, скорее всего, мои. Значит, как и все приготовленное из них. Да я ему ничего не должна!

– То есть мы виноваты?

– Угу!

Сказать что-либо еще с набитым ртом не выходило, да и отрываться от дегустации было кощунством. Что ни говори, а готовить маг умел. Поближе к кухне всегда находился? Я фыркнула и едва не подавилась. Посторонние мысли за едой недопустимы!

– В таком случае, пусть этот скромный завтрак послужит нашими извинениями, – без капли раскаяния, даже не пряча улыбки, сказал маг, возвращаясь к еде.

Я бы ему ответила! Еще как ответила! Но отрываться от яишенки не хотелось.

– Милорд, – подал голос Георг, – а все же… Зачем вы сюда приехали?

Альтар быстро взглянул на меня, заметил, как навострились ушки на макушке, и уклончиво ответил:

– Была необходимость.

– Вы тоже ищете артефакт! – понял Георг.

И хотя я готова была поспорить на все сто процентов, что это не так, маг согласно кивнул, только еще раз на меня посмотрел. И чем ему так с утра нравлюсь? Нечесаная, некрашеная, еще и без маникюра. Горе-горюшко прямо.

Но мне подходит!

– Возможно. – Маг был более осторожен. Или просто решил согласиться с предложенной версией? Я так же сделала, когда попала в эту Глюкландию. – Магистр Бродсед все еще ищет артефакт Гавара?

– Все еще, – тяжело протянул Георг.

Я сочувствовать не стала: слишком занята была беконом. Хотя…

– Вы мне еще не заплатили! – прерывая общение двух гостей, вклинилась я, грозно на них взглянув.

Георг побледнел, а вот Альтар… С видом ученого он пристально исследовал мою недовольную мордаху, цокнул языком и произнес:

– Нет, совсем не страшно.

Я решила не позориться. Ночью отомщу. Сварю ему успокаивающий чай со слабительным эффектом! Нет, это слишком грязно. «Еще убирать придется», – подумалось мне, и классический способ мести был отринут.

– Деньги! – хмуро напомнила я.

– На стол? – вскинул брови Альтар.

– На бочку, – не сдержалась я.

– Интересное место для выплат – баня.

И тут я вспомнила, что бочка, а точнее – бадья, стояла в ванной. Но сделаем хорошую мину. Пусть думает, что кикиморы берут деньги именно там. И влетит же мне от Ваничны, если она узнает…

– Какое есть, – пожала плечами я и напомнила: – Так когда оплатите? Мне, между прочим, деньги нужны.

– Деньги? И для чего юной кикиморе деньги? Да еще свои?

– За надом, – зло прищурившись, ответила я.

Ну вообще: какое ему дело, для чего мне деньги? Они же уже мои, которые пока его!

– Она в Академию поступать собирается, – сдал меня с потрохами Георг.

У-у-у, злыдень этакий и растакой!

– Хм, у нас же соглашение с болотниками. Они бесплатно с этого года учатся. С полным пансионом. За них правительство платит.

– Полный пансион?

– Да, а ты не слышал? – И мне: – Может, уменьшите цену?

– Нет. Вам и так поблажка, что друг Георга, – солгала я. – И потом, вдруг мне взятку давать придется? Надо же иметь, чем дать.

– Взятку?

– Ага, – невинно хлопая глазами, подтвердила я и мысленно хихикнула.

Да уж, докатилась. И зачем мне взятку-то давать? Чтобы двойку поставили? Неужто собственных талантов не хватит!

– А вы знаете, леди, что это наказуемо? Давать взятку за оценки?

– А я вам гарантирую, что никто не узнает, – пообещала я и имела честь любоваться ошеломленным собеседником.

– То есть вы хотите заплатить мне моими деньгами?

– Конечно, они же ваши! – как маленькому, пояснила я.

Интересно, на какой стадии он меня стукнет…

Но Альтар, судя по всему, уже имел дело с женской, а то и убойной кикиориной логикой, поэтому лишил меня удовольствия бессмысленных пикировок. Вместо этого сделал глубокий вдох, с силой выдохнул, закрыв глаза, и, только полностью успокоившись, вновь вернулся к суровой реальности со мной в главной роли.

– После завтрака я заплачу. За пять дней.

– А потом?

Любопытство было сильнее притяжения начавшей остывать яичницы.

– А что потом – мое личное дело, – обрубил темноволосый маг, доел последний кусочек и поднялся из-за стола.

Мне пришлось спешно заканчивать трапезничать, чтобы успеть забрать свои деньги. Сколько там ярмарка должна идти? Может, сегодня повезет больше.

– Личное дело, личное дело, – передразнила под нос я.

Неудовлетворенное любопытство противно пищало в душе, требуя реванша. Впрочем, жадность уже объясняла своему коллеге, что порой выгоднее уступить. Стоит ли говорить, что любопытство быстро вошло в привычный ритм и аккуратно выглядывало из закромов души, не досаждая мозгу?

Тем временем я поспешила в баню, где и должен был произойти расчет. Маг с неудовольствием косился на мирно растущую на потолке плесень, образующую неповторимые картины. Лично я там видела Жабку на поле. Еще чуть-чуть – и она подомнет под себя Георга и поймает языком вместо мухи темноволосого. Нет, это уже не картинки на потолке! Это мечты.

– Пять сотен монет.

Мне буквально всучили мешок с деньгами. Маг шагнул в сторону выхода, но я его остановила:

– А пересчитать?

– Я уже пересчитал, – хмуро отозвался мужчина.

– А мне пересчитать! – обиженно выдала я.

– Ты умеешь считать?

И насмешливо так зыркнул. Ах, так…

– До ста восьмидесяти шести, – горько, аж самой плакать захотелось, простонала я. – Но вы же поможете выучить до пяти сотен?

– И с чего я должен это делать?

– Иначе ваш платеж не будет засчитан, – мстительно сказала я, сверкая очами и развязывая мешочек. Монеты рассыпались по всей бане. Нехорошо, конечно, но чтобы этого мага проучить. – Ой, покатились.

И глаза побольше, поудивленнее, чтоб сомнений не было, что я издеваюсь.

Увы, маг оказался магом в полной мере этого слова. Выругавшись, воздел длани к потолку, зацепил стену, больно саданувшись пальцами о выступающую балку, но взял себя в руки и, пуча глаза, прочел по памяти какую-то тарабарщину.

Секунда, другая, третья… пятая… сто пятая… сто пятьдесят пятая… Ничего не изменилось. Разве что глаза мага полезли на брови, желая страстно соединиться с ними. Но анатомия такого коварно не позволила.

Я же тем временем подтащила табурет и принялась собирать монеты.

– Одна, вторая, третья… – в голос начала перечислять я, складывая деньги в мешочек.

Альтару не оставалось ничего другого, как подавать денежки. Хотя он мог уйти. Неужели здесь так важно сказать вслух, что условия выполнены? Опять какая-то магия?

Через полчаса все казалось уже не столь радостным. Как часто бывает: идея сталкивается с реальностью и лопается мыльным пузырем. В моем же случае сие действо больше походило на надувание воздушного шарика. Дуешь-дуешь, скрипит, стонет, но тянется, пока в один прекрасный момент…

– Сто восемьдесят шесть! – гордо возвестила я, останавливаясь. Нет, право слово, я и дальше считать могла, пока не станет совсем уж лень, но нужно же соответствовать! Чуть виновато склонила голову набок: – А что дальше?

Темноволосый только выдохнул. Уважаю, хороший будет препод, если переживет атаку почитателей. С его-то внешностью… да уж, не был бы такой злыдней невмиручей, я бы, может, подумала.

– Дальше – сто восемьдесят семь. Считаем по аналогии.

И он начал объяснять! Теперь уже мои глаза решили навестить бровки. Они, кстати, вопреки физиологии остались прежнего темного оттенка, а не позеленели со всей шевелюрой. Ну да ладно, это лишние подробности, и ни к чему хорошему они привести не могут!

Из бани мы вылезли только к обеду, когда последняя монета была торжественно водружена в мешочек и я подтвердила, что сумма точная. Маг едва снова не возвел руки к небу, но вовремя вспомнил о прошлой попытке.

Обучаемый! Это радовало, хотя закрались неприятные мыслишки о том, что он, как-никак, будущий преподаватель. И возможно, даже мой. А значит… Кол мне обеспечен! Можно плясать от радости и спать на занятиях! Вот только скучно это – ничего не делать. Сидишь, в окно смотришь, мух считаешь, на парте рисуешь, делаешь вид, что ничего не соображаешь… Сложно. Никогда не понимала тех, кто может бездельничать на уроках. Это же ТЯЖЕЛО!!! Требует специальной подготовки. Как минимум.

Альтар между тем не предавался долгим раздумьям. Буквально пролетев по коридору, заставляя несуществующую паутину трепетать, он выскочил из дома.

Во дворе бабахнуло ведро, оставленное впопыхах Ваничной, недовольно и даже слегка осуждающе квакнула Жабка, а потом входная дверь открылась, явив еще более злого и мокрого мага. Он едва сдерживался, чтобы не выругаться, но при мне решил воздержаться и ушел в комнату, которую временно оккупировал.

За окошком, весело выстукивая по стеклу нечто отдаленно напоминающее галоп, шел дождик. Маленький, очень вежливый, которому мило кланялись до земли деревья. Я бы не рискнула открывать дверь даже на секунду. Смелый все-таки маг.

Болото опять затопит. Судя по темным-темным тучам, заполонившим небо, в доме мы застряли надолго. Хотя Ванична как-то говорила, что кикимора нигде не утонет: пойти, что ли, поплавать? Инстинкт самосохранения не позволил. Но вот усесться на чердаке – очень даже разрешил. Наверное, самому любопытно стало.

Стянув плед и построив гнездо в лучших традициях вороньего племени, я обосновалась у смотрового окошка, чтобы иметь возможность наблюдать, как крыльцо уходит под воду. Из дома тем не менее не доносилось никаких звуков потопа, словно и не заливало нас вовсе. Вот уже затопило сарай. Жабка довольно выбила створки и принялась скакать вокруг дома. Удивительно, но в сарай тоже не попало ни капли. Вода текла-текла, но огибала и не заполняла постройки кикиморинного хозяйства. Хм, это поэтому маг хотел остаться именно здесь? Чтоб не утопнуть случайно в лесу, когда его дорогой коллега продолжит свои фокусы? Вот же злыдень! А о людях он подумал?

Вспомнив, что село располагалось на холмах, я несколько приуныла. О людях-то он подумал, а вот о болотном моем племени – нет! И так обидно, так горько стало от этих соображений, что прямо гнев охватил. Чтоб этого мага самого так затапливало! Каждую ночь воду из дома вычерпывать будет!

На небе появилось внезапное прояснение как ответ на мое недовольство. Через четверть часа гроза утихла. «Хм, ну ладно, пусть живет», – сменила гнев на милость я. Ровно до того момента, пока не выпала за порог, неудачно споткнувшись.

Принимайте. Кикимора, в грязи вываленная, – одна штука. Уникальный экземпляр кикиморы болотной. Обмену и возврату не подлежит. Мгновенное

застывание обеспечивает плотность конструкции и удобство эксплуатации: смахните пыль метелочкой и не переживайте – ваша кикимора сохранит товарный вид надолго.

Заползать в дом было сложно. Глина из-за мгновенно улучшившейся погоды застывала стремительно, нисколько не жалея бедную маленькую меня. Поищем положительное. Грязевые ванны вообще полезны, а вот глиняные маски на лицо… Да, это акт омоложения, а не глупость. Именно так всем и скажем.

До ванной-бани доползала как ржавый робот, весело кряхтя и скрипя суставами.

Мылась прямо там, в уголочке, где имелся сток. О, как я была рада этому обстоятельству! Ибо глина отчищалась неохотно, да и двигаться едва-едва позволяла… В общем, если бы пришлось тащить воду еще куда-то – я бы не донесла. Просто застыла бы по дороге памятником самой себе.

Отмывшись, обнаружила, что осталась дома одна. Альтар с Георгом ушли, даже не предупредив. Ну что ж, пусть сами страдают. У меня теперь есть деньги, а значит – шопинг можно считать открытым.

Увы, меня ждало глубокое разочарование, стоившее трех часов времени в пути и еще часа отмывания обуви. Смотреть на подол сарафана вообще было страшно. Только одно радовало: к моему приходу уже был готов ужин. Не знаю, почему Альтар так разоряется, но меня тоже покормили. Чего-то хочет? Отлично, посмотрим, сколько сможет предложить.

Но он не предлагал. Медленно тянулось время моего одиночества, а никаких предложений не поступало. Маг с Георгом каждое утро уходил на болота, а вечером возвращался и готовил ужин. Опять-таки на всех троих. В последний день, когда Альтар должен был уехать, прихватив с собой прохвоста, я не выдержала и пошла с ними, чтобы поиздеваться… чтобы вдохновить на подвиги!

В качестве моральной поддержки была призвана Жабка, которая с радостью вняла роли бравого солдата и гордо вышагивала по тропинке, оставляя огромные следы лап и громко квакая от переполнявших чувств.

Двух наших кладоискателей мы нашли спустя час спора между кикиморинной логикой и жабьим чутьем. Как ни прискорбно сообщать, победила логика кикиморы, отчего Жабка приуныла и начала недовольно сопеть (не знаю, возможно ли такое!) и взбрыкивать, желая поучить манерам интеллигентно усмехающуюся, отчего кусты тряслись, наездницу. И да, я впервые поездила на Жабке. Прикольно! Главное – вцепиться покрепче и молиться всем богам, чтоб не слететь в полете, иначе… Н-да, проломленный череп никогда не был верхом эстетизма! Впрочем, катание на жабах тоже нельзя назвать проявлением разума. Но оставим грустное в стороне.

Два археолога-кладоискателя стояли посреди болота и с маниакальным упорством пялились в его глубины, словно пытаясь разглядеть там тайны Вселенной. Конечно, если таковые и можно разглядеть без особых приспособлений, то никак уж не в болоте. По крайней мере, будь я вселенской тайной, нашла бы место посимпатичнее и потеплее, без лишнего народонаселения и прочих гадов всех мастей. Но вернемся к нашим магам.

Эти два субъекта стояли и пялились в самый центр болота, даже не замечая, как, недовольное вмешательством, оно втягивает их в свои недра, желая наказать смутьянов. И все бы у него получилось, если бы, увы, не мое пришествие. Не заметить Жабку мог разве что глухой и слепой, да еще и начисто лишенный разума, раз уж полез на болото! Слепыми и глухими маги не были, а потому, услыхав недовольный Жабкин квак, спохватились и начали выбираться на устойчивую землю.

– Как идут поиски? – невзначай поинтересовалась я, слезая с Жабки.

Проникнувшись важностью момента, она даже плюхнулась на брюшко, чтобы мне было сподручнее слазить.

Судя по суровым лицам, поиски продвигались не так успешно, как хотелось Георгу. Альтару, похоже, было все равно. Он думал о своем, что казалось подозрительным, учитывая его якобы заинтересованность в поисках. А еще странно смотрел на меня. И кормил пирогом каждый вечер. Заговор?

– Продвигаются! – недовольно бросил Георг, снял ботинки и начал выливать из них вонючую жижу.

Бр…

– Продуктивно? – намекая на болотный продукт в его обуви, спросила я.

– Очень, – самодовольно похвалился Георг. – Мы уже обследовали две трети болот. Артефакта нигде не выявлено, что сужает круг поисков.

– А если не успеете? – резонно поинтересовалась.

– Значит, вернусь на каникулах.

Судя по гримасе, на миг исказившей лицо Георга, возвращаться сюда он не хотел ни за какие коврижки. Но кто поспорит с начальством – огребет еще больше.

– Наверное, – протянула я, больше внимания уделяя Альтару. Маг не стал жертвой болотной тины. Его сапоги хоть и потеряли несколько товарный вид, оказались слишком высоки, чтобы болото смогло разыграться и пометить путешественника своим фирменным, непередаваемым ароматом тухлой воды. – А ваши поиски как продвигаются?

Альтар дернулся, потом успокоился и с прищуром воззрился на меня. Я бы, наверное, испугалась, но кикиморы ничего не боятся. А такие, как Данька – совсем свихнувшиеся то есть, – и вовсе тяжелая артиллерия.

Маг тем временем на чем-то сосредоточился, пробормотал под нос малопонятную тарабарщину и опять взглянул на меня. Я посмотрела на него, стараясь сделать большие, как в аниме, глаза, показывая всю-всю степень изумления. Такого явного непочтения к своей особе темноволосый не ожидал: подавился и… махнул на меня рукой. Ах так, ну вот опять! Забил он на меня! А как же пламенные речи, горящие взгляды, патетика и пафос на благо родного болота? Вот никакого понятия о том, как на массы влиять. Хотя пирог он делает вкусный. Мдя.

– Нет, это не можешь быть ты, – проговорил маг и помрачнел, едва понял, что ушки кикиморы всегда на макушке и готовы слушать про себя все до мельчайших подробностей. А уж в таком интересном контексте…

– Почему не могу? – возмутилась я, порывисто дыша для большего эффекта. Пусть знает, как сильно я негодую! Хотя если он про портреты с надписью «Их разыскивает городская стража», то не-е-е-ет, конечно, не я, как он мог подумать!

– Слишком привычна к окружающей среде, – недовольно ответил Альтар.

– Это минус? – начала допытываться я, размышляя, а не меня ли он искал. И в связи с этим откровением возникал другой вопрос: а зачем ему я? Фрик сдал? Но тогда… нет, этого быть не может. Страна Глюкландия реально существует, и меня в нее каким-то ветром занесло? Да уж, то еще ощущеньице. А все так хорошо начиналось!

Память радостно подбросила картинку сидения в кустах с комарами. Бр, нет, начиналось все не так уж и радостно. Вот продолжалось – вполне достойно. Но это его не оправдывает! Фрик обречен на мучительную смерть, а Альтар… на вечное кулинарное рабство!

– Это факт, – поморщился темноволосый, согнав с рукава рубашки комара, который пытался оказать мне услугу и испить кровушки этого злого человека. Хороший комарик, точнее, комариха. Это же только самки сего достойного племени пьют кровь.

– И что с ним делать?

Признаю, ум так и просвечивал в каждом предложении. Просвечивал и исчезал в далеких непроходимых далях, переезжая на ПМЖ к кому-то более достойному.

– Жить, – хмыкнул мужчина. – Георг, думаю, на сегодня хватит.

– Но ведь…

Возвращаться на упомянутых каникулах жертве деканата не хотелось.

– Завтра мы покинем дом этой милой барышни, – напомнил и мне, и молодому человеку Альтар.

И как я обойдусь без готовых ужинов-обедов?

Память услужливо подсказала, что я и сама должна выдвигаться покорять столицу. Правда, чем будем покорять, она благоразумно не уточнила, оставляя простор для воображения. А оно, как можно догадаться, пошло в хозяйку и болело, болело, болело, ни на секунду не возвращаясь к своему здоровому состоянию.

Быстро собрав экспедиционные пожитки в количестве одного лукошка с бутербродами и куртки, перекинутой через ветку, веселая компания отправилась в нашу экологически чистую избу с уникальной технологией криогенной заморозки, коя начала проявлять себя по ночам. Мне-то ничего, я себе второе одеяло раздобыла, а вот маги… Они промолчали. Как и всегда.

Проникшись важностью момента, Жабка грациозно перебирала лапами, от чего любая лошадь подавилась бы от зависти, углядев, как следует исполнять аллюр.

Мы прогарцевали мимо пеших мужчин, едва не отхватив Альтару голову: Жабке приглянулся особенно толстый комар. Никак кровушки мажьей насосался вдоволь! Эх, и грустно же осознавать, что изба опустеет к вечеру. Никто не сготовит бедной маленькой мне прощальный ужин в семь блюд.

С другой стороны – что мешает увязаться вслед за магами? И надежнее, и быстрее, и питание правильное. Не думаю, что найдется еще один оригинал, который так магов надует и осмелится тухлятину подать. Почему еще один? А мы тут изучали китайскую кухню по памяти и в полевых условиях. Увы, ничего кроме необходимости тухлых бобов я не вспомнила, а потому для закрепления эффекта пришлось еще и мясо немного обработать. Но, как и все хорошее в мире, мой кулинарный шедевр был обречен. Его съела Жабка, а на нее обижаться… Да разве можно обижаться, глядя в эти честные глазки, когда ее липкий язык скользит по твоему лицу… Каюсь, я убежала быстрее, чем успела отобрать свое блюдо. Ужин в тот день опять готовил Альтар.

Решив, что хорошего должно быть в меру, я разрешила Жабке ускориться и лишить магов нашего очаровательного общества. В конце концов девушке нужно собраться. И хоть с ярмаркой у нас не срослось, но деньги-то имелись, и неплохие. В столице закупимся!

К возвращению двух равномерно грязных, будто мимо них машина проехала и обдала слякотью, магов мои сборы были почти окончены, а сундук стащен вниз, к порогу, чтобы нагрузить своим имуществом кого-нибудь из добрых волшебников.

Увы, их перекошенные лица намекали, что сейчас оба предстанут в иной ипостаси. Злые черные колдуны, скрючившись и топоча, пересекли порог. Их старые морщинистые лица вселяли ужас в сердца обывателей. Никто не желал вставать на их пути. Никто, кроме героя. И звали этого героя – сундук. Да, хотелось бы мне так сказать, но…

Все было совсем не так.

Альтар, пусть и был немного недоволен, но самообладания не терял и легко обошел сундук, стоявший поперек входа. Выглянув на лестничную площадку, я поняла, что он отправился мыться. Георг же… вот этот был далеко. Такого грохота я еще не слышала! Если он задел мой сундук!..

Сундук и правда героически выстоял в нелегкой схватке. Ни одного пятнышка, ни одной вмятинки не появилось на его лакированных боках, и только человек, этот варвар с лицом, искаженным яростью и болью, глядел на нашего героя. Не знаю, чего он хотел добиться, но выдержки сундуку было не занимать. Он не велся ни на словесные, ни на физические угрозы, стойко снося гнев смертного.

– Георг, вы уже вернулись? – словно миротворческая армия, в битву вмешалась третья сторона в лице меня. – И чем тебе так моя мебель не угодила? Ты ее еще и пинал?! – От возмущения я едва не задохнулась. – Как ты мог, это же все, что осталось от наследства моего четвероюродного дядюшки по отцовской линии со стороны его второй жены!

– Чьего наследства? – не понял юный маг.

Признаться, я и сама плохо представляла такое дальнее родство, но звучало пафосно, а значит – верно.

– Моего четвероюродного дядюшки по отцовской линии со стороны его второй жены, – выпалила, как скороговорку, я, радуясь, что еще не успела забыть, чего напридумывала.

Георг уныло вздохнул:

– Прости.

Вот и все, что он выдал. И поплелся к себе. Решил переодеться? Ну и пусть, сам за собой полы мыть будет, если следы останутся!

За окошком снова закапал дождик, и, вторя ему, заквакала, как заправская лягушка, моя милая Жабка. Ну хоть кому-то природная серость доставляла удовольствие. На меня же скорее наводила уныние. Отчаянно хотелось спать под мерный аккомпанемент дождя, бьющего по стеклам в такт скорбным мыслям. Совсем не по-кикиморски тоскливо я молча взирала на дождь с облюбованного чердака.

Завтра маги уедут, и я отправлюсь вслед за ними. Вроде бы что тут такого тоскливого? Но почему-то казалось, что будущее, которое уже стоит на пороге, никак не может быть моим. Что я занимаю чье-то место и наверняка кто-то сейчас занимает мое. Последняя мысль резанула по самому ценному и вдохновительному, что у меня было: по гордости. Такого неуважения к себе она, гордость, перенести не могла и отправила импульс всем системам, прогоняя скуку. Это как получается? Пока мы тут предаемся самокопанию и упадническим мыслям, какая-то жаба штурмует наше родное болото? Не позволю! Ее болото захвачу, себе все устрою, а она… Да не отдам я никому своего. Горло перегрызу, одна останусь, но болото в обиду не дадим.

Когда, громко скрипя половицами, в кухню ввалилась собранная я, маги изволили разговаривать. Недолго. Увидев похорошевшую по случаю переговоров меня (в лучших традициях американских индейцев), мужчины замолкли на полуслове, сраженные неземной красотой. Вероятно, если бы проводился конкурс красоты среди инопланетян, первое место отдали бы мне. За старание!

– Не помешаю?

Судя по сузившимся глазам Альтара, ничего хорошего он не ожидал.

– Нет, леди, мы как раз закончили, – намекнул своему недалекому собеседнику на необходимость молчать старший маг.

– Простите.

Все же порой нужно изображать вежливую девочку. Ключевое слово «изображать», но где наша не пропадала? Данька – лучшая школьная лицедейка! Или все просто боялись сказать иначе…

– Не страшно. Чего вы хотели?

Перечислять все я не стала. Неокрепшая мужская психика вряд ли вынесет весь пласт желаний обычной среднестатистической студентки-первокурсницы, переживающей ломку по гаджетам. Ах, кто бы мне планшет с интернетом сейчас дал… Все пятьсот золотых бы заплатила! Как же хорошо, что инета здесь нет – конец бы моим финансам настал…

– Вы же в КАКу поедете?

Очи в пол, как у приличной.

– Нет, – усмехнулся маг, заметив, с каким удивлением я на него вытаращилась.

Да уж, лицедейкой нас явно за кулаки прозвали. Позорище!

– Как – нет?!

– До Академии не менее недели пути, поэтому мы с Георгом отправимся в ближайший город и просто воспользуемся порталом. Так сумеем сэкономить шесть дней.

– А я…

– И вы тоже можете составить нам компанию, если, конечно, желаете.

– Желаю, – проговорила я, совершенно сбитая с толку.

Это что получается: даже уговаривать не пришлось? Обломали так обломали. Кому расскажешь – засмеют.

– Хорошо. Завтра с утра выступаем. И еще… За то, что мы вас сопровождаем, нам полагается награда. Вы так не считаете?

– Сколько? – обреченно спросила я.

Да уж, мстя это. Но все пятьсот золотых назад не получит!

– Сто пятьдесят монет.

Аппетиты у него крокодильи. Но ничего не поделаешь. Монополия – она такая. Или плати, или… А второго варианта-то и нет.

– Хорошо, – согласилась я. – Но за портал платите вы. И завтрак тоже готовите.

– Идет.

И почему, когда я уходила под смешки Георга наверх, мне казалось, что я переплатила? Нет, Альтар действительно хотел нажить в моем лице врага. Вот зачем ему тяжелая юность? Я же не подарок. Освоюсь в школе и устрою ему самую страшную месть: открою фанклуб.

Чем он так страшен? А очень просто. Как можно обижаться на искренне влюбленных людей? Они все ради тебя делают. Все-все. И в кустах сидят, сопя от усердия, и с биноклем за твоими окнами наблюдают, и бегут наперегонки к тебе с высунутыми от усердия языками, сбивая с ног ожидаемую тобой девушку, и будят в пять утра свежесочиненными признаниями в любви, и…

И еще много таких «и», от которых нормальный человек повесится, а «айдол» будет вымученно улыбаться. Ну так сотворим себе кумира, и пусть кумир сам ласты склеит от привалившего ему счастья цианидного!

Завтракали в лучших традициях восточного базара. Такого шума за столом не было за целую неделю вынужденного сосуществования. Георг то и дело ронял вилку, заставляя меня с ужасом представлять, скольких гостей сегодня принесет нелегкая в нашу кикиморину избушку. Впрочем, Жабка травоядностью не отличалась, а значит, сэкономим на корме. Все равно ее полагалось отпустить, чтобы ездовая нашла свою старшую хозяйку после того, как довезет

меня с пожитками до села. Шокировать горожан видом ездовой жабы мне успела запретить Ванична, которая лучше остальных распознала шкодливую сущность своей подопечной.

– Хочу еще! – попросила я, протягивая миску Альтару.

Не то чтобы я всегда так много ела, но, памятуя голодные студенческие будни, желудок резко решил запастись. Как всегда, самые ценные мысли приходят с опозданием.

Каша кончилась совершенно внезапно, после того как мне трижды выдали добавки. Заметив конкуренцию, Георг тоже присосался к кастрюле как клещ, не желая уступать без боя ни ложки. Альтар только головой покачал, наблюдая за нашими детсадовскими разборками. Ну и ладно, не нравится – пусть не смотрит.

Когда мы наконец разделили кашу по-братски (мне – все, Георгу – что успел отхватить), Альтар скомандовал собираться в дорогу. Хорошо ему! Одна сумка, и та с какими-то книгами. Где одежду хранит – до сих пор не нашла. Ладно, зависть – недостойное чувство. Но очень мотивирующее.

После долгих размышлений сундук был оставлен дома. Вместо него на чердаке из кучи завалявшихся штук была выужена холщовая заплечная сумка, которую с криком «Рюкзак!» я утащила к себе. Жизнь налаживалась.

Собрав немногочисленные пожитки – слава накупленным на ярмарке вещам! – я рассовала деньги по карманам, отсчитала мзду магу и, расплатившись сразу, чтобы уже ни о чем не думать, ушла к Жабке. Бедное существо трагически воспринимало мою отлучку. Чтобы она хоть немного успокоилась, пришлось вынести три процедуры умывания-благословения, заверяя, что я скоро вернусь.

А Жабка все ныла, ныла, бодаясь пупырчатой головой и норовя меня уронить. Маги вышли не скоро, полностью опровергая миф, что дольше всего собираются девушки. Девушки, да будет им известно, собираются быстрее всех! Но, наблюдая, как тормозят остальные, начинают скучать и идут наводить красоту. А это процесс долгий и обстоятельный. И конечно, по закону подлости именно в момент, когда один глаз накрашен, а второй являет собой ужас офтальмолога вкупе с кошмаром косметолога, все заканчивают дела и с недовольством пялятся на бедную девушку, которой просто надоело бесцельно проводить

время.

– Отправляемся? – простонала я, защищая лицо руками, чтобы чей-то липкий язык (не будем показывать пальцем) не попал случайно в глаз. Нет, я, конечно, верю в местную медицину, но вера – вещь крайне изменчивая и редко окупаемая, а значит, лучше не создавать необходимость знакомства.

– Да, – кивнул Альтар и первым ступил на тропу.

Итак, мой путь начинался. Держись, КАКа, кикимора уже в пути!

Глава 4

Экзаменосдавательная

Невозможно? Нерешаемо? Недоказуемо? Экзамен расставит все по местам. Быстро! Качественно! Надежно! Прояснение мозга за двадцать минут!

P.S. С гарантией! Проверено студентами!

«Хорошо живет на свете Винни Пух, потому что не поет он свои песни вслух. Ибо только б попытался, пыли знатно б наглотался, потому и не поет в дороге Винни Пух…»

Примерно такие мысли одолевали обнявшую коня за шею и страдавшую от внезапно открывшей морской болезни меня. А все началось в селе, когда была отослана Жабка и пришлось пересесть на почтового коня. Ничем иным, кроме наглой морды и отвратного характера, данный конь от тысяч своих подкованных собратьев не отличался. Даже зубы (каюсь, заглянула) имел по-лошадиному большие и не чищенные пастой с ментолом. О том, что в природе существует дезодорант, он также имел весьма отдаленное представление, а потому мне стало дурно от одного только запаха.

Но если запах еще можно пережить – затычки для носа входили в комплект проката коня, – то вот сесть на это хвостатое чудо после Жабки было кощунством. Конь же без пупырышков, держаться не за что. За седло? А если сползет?

Эти невеселые мысли не давали мне покоя, заставляя с опаской коситься на животное, которое, прочувствовав, что его боятся, игриво встало на дыбы, демонстрируя свирепость и жажду подвигов.

– Я на это не сяду! – гордо воскликнула я.

Работники почты пригнулись и поползли в укрытие, будто с неба ожидалась массированная атака.

– Данька, ну разве этот милый конь – ЭТО!

Георг почувствовал себя мужчиной. Ну как всегда! Нет, чтобы дракона любимой принести с цветами к ужину? А тут коня не испугался! Подвиг!

Я обиженно отвернулась.

– Ну, Данька, ну смотри. Он же милый. Ты ему нра-а-авишься, – продолжал увещевать Георг. – Смотри, какие глаза добрые!

Я неосмотрительно взглянула-таки в глаза животинки. Ой, лучше бы я этого не делала. Смерть во цвете лет под колесами… тьфу ты, копытами средневекового транспортного средства никогда не прельщала меня.

– Ну, Да-а-анька!..

И когда на двадцать пятом уговоре я даже тихонечко, бочком, дошла до этого самца, Альтар, успевший оседлать своего коня и утрясти все вопросы по прокату, скомандовал:

– В путь!

И они поехали! Без меня!

Мерно цокали копытами наши кони, вздымая клубы противной дорожной пыли. Чует сердце, что, когда мы окажемся в городе, моя шевелюра перестанет выделяться бодрой зеленцой, сравнявшись по цвету с половой тряпкой придорожного трактира.

Но даже такое попрание гигиены заботило в меньшей степени. В горле опять поднялся ком, и меня самым унизительным образом вырвало прямо на тракте. И вы думаете, эти два аристократа остановились? Как бы не так. Они еще и ржали, как кони. Или это даже кони ржали? У-у-у-у, пива с бузиной налью. Пурген уже не в моде, нужно действовать проверенными общепитом способами. А что? Там продают пиво с бузиной! Сама видела! Вот угощу магов (как же они мне дороги!) самым лучшим пивком! С яблочным вкусом. Пусть наслаждаются! А уж как наслаждаться буду я…

Пожалуй, лишь эти мысли помогли мне дотерпеть до города. Бренча доспехами, к нам бодро припустили стражники. Один, матерого вида рецидивист, на глаз оценил никчемность моей прически, опухшее личико и рвотные позывы и решил, что никакой контрабанды у меня при себе не имеется, а значит, можно даже не приближаться. И документы не проверил! И хорошо, ибо документов у меня еще не было. Ванична обещала сделать, но пока не успела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mazurkevich_natal-ya/pobeg-bez-prava-peresdachi

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить